

Кирилл Берендеев

ПРИШЕЛЬЦЫ

СБОРНИК ФАНТАСТИКИ

Кирилл Берендеев

Пришельцы. Сборник фантастики

«Издательские решения»

Берендеев К.

Пришельцы. Сборник фантастики / К. Берендеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903281-2

Что случится, когда исполнятся предсказания фантастов и футурологов, и небеса разверзнутся? Кого встретим мы в этот судьбоносный миг — завоевателей или учителей? Ждет ли голубую планету уничтожение или, напротив, небывалый прогресс. А может, мы сами окажемся в роли завоевателей, пришедших к тем, кто уже нас объявит богами. Кто знает, как встретятся две совершенно разные цивилизации. Или они уже встретились, но только мы еще не знаем об этом?

ISBN 978-5-44-903281-2

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Спорная территория	8
Испытуемый	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пришельцы Сборник фантастики

Кирилл Берендеев

Корректор Павел Амнуэль

Корректор Борис Долинго

© Кирилл Берендеев, 2018

ISBN 978-5-4490-3281-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Удивительно, но сам порой задаюсь вопросом – как же собрался целый том текстов о пришельцах? Что послужило причиной моего глубокого, в последние годы, практически всепоглощающего к ним интереса? Что толкнуло? Вроде, всегда относился к романам других авторов, пишущих о визитерах на Землю, с прохладцей, если не сказать, с явным безразличием, переходящим в нежелание читать. А если и появлялось такое желание, оно вскорости исчезало, стоило только писателю приступить к диалогу с прибывшими. Удивительно, но даже «Одиссея» Кларка оставила меня совершенно равнодушной, прочел и забыл. В памяти сейчас всплывают разве что рассказы Шекли и, кажется, пару произведений Боба Шоу. И только.

Возможно, сам факт не оправдавшихся ожиданий сыграл свою немаловажную роль. Ведь я искал в текстах не просто контакт, как в одноименном романе Сагана, но нечто большее, некую незавершенность, неокончателность мысли, простор для фантазий. Однако, пришельцы всегда, или почти всегда приходя к нам, либо становились учителями, либо агрессорами. И ничего между этими двумя полюсами, голое поле. А, в самом деле, что может находиться на этом поле?

У Станислава Лема находились романы, повествующие о наблюдателях за теми или иными цивилизациями, изучающих их развитие, но старающихся не вмешаться в него. Были и знаменитые «прогрессоры» братьев Стругацких, о которых столько всего написано и разжевано, что останавливаться на этой теме я не буду. Но вот странно, о людях всегда говорилось как-то вскользь, походя, по некоему шаблону, куда больше, об их работе, делах туземцев. О том, как аборигены той или иной планеты реагируют на присутствие пытающихся их вразумить пришельцев. Но мне все одно не хватало вот этого – человеческого чувства. Не солидарности и немного жалостливой сопричастности, но иного.

Наверное, поэтому и появились два моих текста. Один – рассказ «Друг мой!» – как бы рефрен к «Трудно быть богом», но только действие оно перенесено в наше время, на Землю, а прогрессорами становятся совсем иные существа, трудно понять, какие внешне, да и незачем, но вполне реально понятные изнутри – по психоэмоциональной составляющей. И второй опус, написанный много позднее, повесть «Дневник бортинженера». Трудно сказать, кто именно там землянин, а кто пришелец, ибо и те и другие достаточно сильно отличаются от нас. Но тема прогрессорства не была исчерпана мной одним только рассказом, потребовался к нему еще солидный довесок, чтоб я мог отойти на порядочное расстояние и сказать «сделал».

Впрочем, это скорее начало истории о пришельцах. Ведь и в теме самого завоевания всегда оставались открытыми многие вопросы. И о том, зачем и почему нас могут завоевать, или можем завоевать уже мы сами ту или иную разумную расу существ, я тоже писал, выискивая поводы для подобного «знакомства» через прицел. К слову сказать, во многом мне помогла, как ни покажется это странным, старая компьютерная игра в жанре «стрелялки», именуемая «Кризис». Выпущенная в седьмом году, она и сейчас не потеряла своего странного очарования. Неудивительно, что повесть «Спорная территория» написанная мною незадолго до составления этого сборника, подпала именно под ее влияние. Во многом сюжет игры переключался в сюжет текста. Конечно, сравнивать их в лоб было бы странным, но параллелей достаточно много. Я попытался взять ситуацию, с которой начинает развиваться «Кризис», и адаптировать ее к той реальности, которая по понятным причинам, была мне куда ближе. Ввел русскоязычных героев, перенес место действия с Северной Кореи в Китай и принялся выстраивать свою логику событий – по-прежнему вокруг таинственного артефакта, найденного международной группой археологов в одной из пещер острова. И дальше завертелось, закружилось, заходило...

Интересно, но тема пришельчества, была всегда мне достаточно близкой. По разным на то причинам. Не то оттого, что я не слишком был адаптирован (что раньше, что сейчас) в человеческое общество, не то по причине того, что в детстве не завел друзей – странное слово, ровно это какой питомец – но так или иначе, в те далекие годы мне всегда мерещилась собственная инаковость. По разному проявляемая, с разной силой воспринимаемая, она никак не хотела исчезать. Ровно я действительно прибыл откуда-то из других миров и вот теперь ищу способ выбраться и найти свой настоящий, а не придуманный перед «заброской» на Землю, дом. Эти переживания так же легли в один из рассказов. Как и многие другие – лишь прикидывавшиеся пришельческими, а на деле описывающие наш мир, но только чуть более отстраненно, нежели себе это позволяют иные авторы. Я как бы отходил от нашего маленько мирка на несколько шагов и пристально разглядывал его. А потом уже садился писать. Выходило всякое – и доброе, и злое. Но больше грустного, видимо, таков уж он, мой характер, настрой. А может еще по какой причине. Вам решать.

Буду надеяться, что этот сборник, вместивший в себя рассказы и повести разных лет, объединенные темой как оторванности от мира, так и попытками мир этот изучить, понять, постичь или хотя бы переделать по своим лекалам, если не получится понимание, все же оказался достойным вашего внимания. И читать его окажется занятием небезынтересным.

Искренне ваш, Кирилл Берендеев.

Спорная территория

«Остров Лонгдонг (вьетнамское название Рон Кунг) или Дворец дракона, находится в центральной части *Тонкинского залива*, имеет общую площадь 36 кв. км., максимальную протяженность 6,5 км. в ширину и на 3 км. в длину, вытянут с северо-востока на юго-запад. Среднегодовая температура 23⁰С, при этом температурный разброс по временам года невелик. Уровень осадков 1836 мм. В южной части острова расположен залив *Хайвань*, сформированный в результате последнего извержения вулкана, происшедшего порядка 8 тыс. лет назад. В заливе расположился одноименный порт, с трех сторон окруженный холмами. Рядом с ним расположен вулкан *Юджи*, который является одной из достопримечательностей острова, благодаря своему особому кратеру, размытому морем основанию и тропическим растениям. Кроме того, остров представляет большую научную ценность, он знаменит многочисленными пещерами, разрушенными потоками лавы и различными морскими животными. В этих пещерах в 2017 г. были найдены первые хорошо сохранившиеся скелеты денисовцев (см. *Денисовский человек*), и до недавнего времени проводились археологические раскопки под руководством *Виктора Хана* (с 2016 г.), а затем его дочери, *Елены Хан* (с 2020 г.).

Остров является спорной территорией между Китаем и Вьетнамом. В 1979 г., во время *Китайско-вьетнамской войны* некоторое время оставался военной базой КНР, однако, был оставлен в 1983 г. В 1996 г. обе стороны договорились о совместном использовании Л., однако, в силу ряда причин, соглашение так и не вступило в силу. В настоящий момент, Л. входит в состав провинции *Гуанси*.

В 2016 г. на острове снова появились китайские солдаты. Гарнизон Народно-освободительной армии КНР, в настоящий момент, составляет порядка 400 чел. В 2020 г. возле порта Хайвань был выстроен аэропорт с полосой в 2,5 км. для приема тяжелых транспортных самолетов, а дно залива значительно углублено. После войны с *Тайванем 2023—2024 гг.* (см. *Экспансия Китая*), объявлен особо охраняемой зоной, все гражданские лица, до той поры проживавшие на Л., выселены на материковую часть КНР.

География...».

– Скаун, – от прикосновения я вздрогнул. – Скаун, ты что, закемарил? Везунчик. Мне б так.

– Отвали, Шут, – я отключил монитор и поднял стекло шлема. – Чего тебе?

«Входим в особо охраняемую зону», – послышалось повторное предупреждение по внутреннему радио.

– Бди, – коротко ответил он. – Скоро высадимся.

Я поднял голову. Пророк покинул скамью, отстегнувшись, и повернулся к нам.

– Хочу сказать пару слов перед высадкой, – произнес он. – А то потом слова в мате потеряются. Во-первых, сейчас самое время перепроверить костюмы. Если у кого, что барахлит, сообщайте сейчас, пока техник сможет помочь. А во-вторых...

Миссия нам выпала действительно странная. По самым разным причинам. Начать с того, что даже официальная трактовка, мягко говоря, читается с удивлением. Необходимо любой ценой вытащить с острова Елену Хан, при этом, только ее, не трогая остальных членов археологических раскопок. Любой бы начал задавать вопросы. Ладно, бог с китайцами, с которыми Елена работает, продолжая дело отца, но вот что она до сих пор делает там, на не просто спорной территории, но в особо охраняемой зоне? Почему их группу не вывезли вслед за прочими штатскими, почти десять лет назад? Неужто это настолько важно для военных – то, что они там ищут? Как будто в среде вояк не сыщется... хотя, с китайцами обычно так и есть, скорее всего, не сыщется.

Плюс ко всему, Елена еще четвертого августа, то есть, десять дней назад, подала сигнал на нашу вьетнамскую базу в Хайфоне, просила срочно прибыть на помощь, но сообщение быстро заглушили. Через день поступил новый сигнал – отбой. Еще два дня спустя наш военный катер, раздражающий китайцев возле территориальных вод провинции Гуанси, получил сигнал СОС с корабля, предположительно определенного как принадлежащего археологической экспедиции. Судя по спутнику, корабль не смог далеко уйти от острова, вернулся обратно. И не то сам затонул, не то был затоплен береговой охраной. Вот тогда в штабе во Владивостоке и дали добро на нашу экспедицию. Заподозрив самое худшее – Елена попала к китайцам в заложники. Что-то пыталась вывезти, или кого-то, значения не имеет. Но похищения китайскими властями граждан других государств вошли в норму еще лет двадцать назад. Сперва на них отвечали жестко, но после проигранной войны за Тайвань, в которой Китай определился как единственный, кто смеет стучать кулаком по столу, а все остальные при этом обязаны молчать и слушать, остались разве, что спецоперации.

И то не всем. Оккупированным Филиппинам, вот, не повезло, когда их правительство попыталось вызволить своих дипломатов. Что же такое начудила Елена, если действительно пыталась вывезти это и угодила в плен?

– Штаб не говорит по этому поводу ничего, – ответил Пророк. – Видимо, сам не в курсе. Потому и послали нас, разведать. Сами знаете, последние дни китайцы буквально накрыли остров колпаком, глушат все, что можно. Даже со спутников картинка нечеткая.

– Так Елена еще на острове или нет? – поинтересовался Псих. Пророк недовольно глянул на него.

– Вот это мы и узнаем. У госпожи Хан двойное гражданство, будем надеяться, китайцы на нее давить сильно не будут.

– Это потому что китаянка? Так они своих две тыщи лет в черном теле...

– Помолчи, Псих.

– А чужих и подавно.

– Я сказал! – рявкнул майор. Псих тут же заткнулся. – На все, про все, у нас времени до рассвета. Прибыть на место, высадиться, добраться до предполагаемого места нахождения Елены – поселка у подножия вулкана – и вытащить ее. Если госпожи Хан там нет, проверить раскоп. И там не найдем – сворачиваемся и уходим. Готовим новую операцию.

– Таковую же бестолковую, – буркнул Шут. – Мы там как бельмо на глазу. И белые, и в костюмах.

– Нам поставлено задание... Хотя, ты прав. Но выполнять надо. Тем более, три дня назад, роту, охранявшую аэродром, срочно перебросили в Бэйхай. Ротация еще не завершилась, так что солдат немного меньше.

– По шестьдесят на нос.

– Тебя не устраивает?

– Меня все устраивает, майор. И все забавляет. Как всегда.

Пророк не ответил. Вспыхнул красный сигнал – до берега осталось всего ничего, подлодка начала всплытие. Я поднялся. Сейчас будет выброшен плот, на нем мы и доберемся до берега. А подлодка снова уйдет на глубину, замрет, и будет дожидаться нас – с пленницей или без – как получится.

Елену я знал, шапочно, но все же. Раз даже довелось поговорить – на конференции в родном Хабаровске, незадолго до его «холодной осады». Город и так располагался в гаубичном выстреле от китайской границы, теперь же, когда все острова на Амуре-батюшке перешли КНР, тамошние вояки периодически устраивали показательные стрельбы, действуя на нервы всем жителям и военным чинам. Чтоб не ввязывались в антикитайскую коалицию. Им казалось, мы

слабое звено. Как те же Филиппины, потерявшие на противостоянии сперва несколько своих южных областей, а затем сразу все. И ведь никто не пришел на помощь...

Но скверные отношения это одно, а наука, особенно, щедро поощряемая правительством, совсем другое. После, во многом загадочной, непонятной смерти отца, Елена продолжила его исследования денисовцев на юге КНР. Их там, еще в начале нулевых, было найдено немало – правда, тогда о денисовском человеке и слышать не слыхивали, статья в журнале «Нейчур», впервые упомянувшая о новом виде Хомо, появилась лишь в десятом. Вот тогда и последовало приглашение Виктору Хану посетить сперва Наньнин, а затем и Бэйхай, те места, где проведенные китайскими исследователями эксперименты показали схожесть геномов из Денисовой пещеры на Алтае и этих образцов. Виктор Андронович как раз участвовал в тех самых раскопках, после, написал ряд статей, а затем нашел пару зубов в советских запасниках – тоже отнес их к денисовцам. В те времена о них почти ничего известно не было – только редкие косточки. А вот в Китае обнаружили залежи хорошо сохранившихся скелетов. Особенно близ Бэйхая и вот, на Лонгдонге.

Откуда я так посвящен в тему – да просто, как любому пацану, еще не мечтавшему в будущем работать на частные военные компании, – все новое, недавно открытое, было интересно. Тем паче, я с детства увлекался историей человечества, так что появление на исторической карте нового вида людей меня, тринадцатилетнего пацана, увлекло невообразимо. Капитально влез в сеть, стал пропускать занятия, получал нагоняи от матери, но без особого толка. Тогда считалось, я стану антропологом. Все к тому и шло – в вуз поступил, во Владивостоке, и так и учился бы, не случись новый конфликт с Китаем. Нет, еще не государственный. Между мной, моей девушкой и милицией КНР. Было в том конфликте несколько человек, моих друзей, но... словом, до своих добрался только я. До своих родичей, если уточнить, а то полиция Хабаровска меня-то как раз хотела вернуть китайцам. Так что другого пути в голове не нашлось, кроме как запоздалой мести. Ну, а интерес к денисовцам – он остался, на каком-то особом счету. Я и сам не понимаю, почему так.

Тогда, во время встречи, как раз только вернувшись с полевых работ в Хабаровск, Елена рассказывала о новых открытиях, сделанных совсем недавно, сперва, в карстовых пещерах возле Бэйхая, а затем и на острове Лонгдонг, который, с недавних пор, стал входить в уезд города. Ей удалось открыть самое удивительное – почти целые скелеты денисовцев, принадлежавшие одному роду, населявшему территорию совсем недавно, три с половиной тысячи лет назад. Когда в Египте уже перестали строить пирамиды, а в Вавилоне только начали. Когда сам Лонгдонг стал островом, отрезавшем живших возле вулкана людей от соплеменников на материке широким проливом в сотню с лишним километров. Популяция, после окончания оледенения, поначалу стала сходить на нет, но потом стабилизировалась. По предположениям Елены, на Лонгдонге жило около ста человек, практически ни в чем не нуждаясь.

А потом они исчезли.

Когда я садился в надувную лодку, мне почему-то вспомнилась та лекция. Может быть, Елена нашла ответ на загадку, над которой бились археологи все последующие годы? И ответ этот почему-то так дорог правительству, что оно решило оставить секрет у себя? Или и вовсе уничтожить и свидетелей и сами свидетельства.

Нет, глупость, конечно. Но ведь раскоп, я видел снимки из космоса, очень хорошо охранялся. Рота бойцов спецназа НОАК на дюжину археологов – это, кажется, даже для Китая перебор. Причем, прибыли-то они все в начале лета этого года. Что она такое выкопала в пещерах дракона?

Лодка мягко ткнулась в желтый песок острова, сейчас, в свете звезд, казавшейся бледно-пепельным. Мы быстро спрятали плотик в кустах, завалив водорослями. Пророк еще раз проверил костюмы и начал искать маячок Елены, через который она и подавала сигнал. Если он

еще работает. С некоторых пор все экспедиции в Китай на случай чего, снабжались такими устройствами. Чаще всего китайцы их отбирали, но...

– Ах ты, работает. Она в поселке, – с удовольствием ругнувшись, произнес Пророк. От души отлегло немного: – Выдвигаемся. – и помолчав, прибавил негромко: – Кто-то очень хочет, чтоб его нашли.

Этой эффектной фразой он хотел завершить монолог, но не получилось. Послышался нарастающий шум винтов. Мы дружно рухнули в кусты: а через пару мгновений мимо пронесся черной молнией Ми-24 с опознавательными знаками НОАК. Видимо, шел из аэропорта. Направился в сторону вулкана, но не напрямую, для чего-то делая солидный крюк, словно, не желая кому-то на земле попадаться на глаза. Или облетая незримое препятствие.

Наконец, наступила блаженная тишина. Пророк приказал выдвигаться в лес, по одному, след в след, через три метра. Растянувшись цепочкой, мы двинулись.

Удивительный все же этот остров. Когда первый раз разглядывал его фотографии, тотчас обратил внимание на песчаные пляжи, на мангровую зелень, густым пологом закрывавшую все подходы и подъезды к военным поселениям, на пальмы, ронявшие коричневую листву в нежно-голубые барашки волн. Здесь бы курорт открыть, построить с десяток гостиниц, вдоль берега, и еще хотя бы пару возле плато у самого подножия океана. С него открывается удивительный вид на залив, на море, на сам вулкан, возвышавшийся почти на полкилометра над островом. И пусть здесь часто идут дожди, что не совсем обычно для таких мест, и обычно с сильными грозами, но когда облака рассеиваются, и Лонгдонг вырывается к солнцу, описать словами его красоту очень сложно. Это нужно видеть. Даже сейчас, в безлунную ночь, он тих и прекрасен. До странности тих, ведь обычно джунгли полны жизни, тем паче, ночные джунгли.

Сейчас же как будто вымерло. Видимо, китайцы умудрились распугать последних обитателей, заставив их либо мигрировать подальше от постоянно снующих вояк, либо тихо вымереть естественным или искусственным путем. Здесь когда-то, еще во времена французской колонизации, в восемнадцатом веке, ловили крокодилов и черепах – на чемоданы и суп соответственно. Видимо, никого не осталось. Даже птиц не слышно. Все замерло. А потому, в умолкшем, затаившемся лесу, казалось, что наши едва слышные шаги эхом разносятся окрест, передаются от дерева к дереву и замирают только на опушке.

Пророк шел первым, Артек замыкал группу. Минут через десять, командир велел остановиться и приблизиться.

– Подходим к шоссе, – так он именовал асфальтовую дорогу, ведущую через весь остров от залива к северной его части, где находился еще один порт, совсем небольшой, для катеров охранения, и метеостанция. Ну и конечно, еще одна рота солдат. – Всем перейти в режим маскировки. И напоминаю еще раз, особенно тем, кто с нами второй раз, – это уже лично мне. – Если не хотим третьей мировой, пользуемся только парализаторами. Они дают три часа спокойного сна, канадская работа. Стрелять только в самом экстренном случае, если жизни заложников будет что-то угрожать. Или у кого-то из нас попытаются спереть костюм.

– Про костюмы мы в курсе, – заверил Псих. – Такой инструктаж не забывается.

Он прав. Перед отъездом, нас обучали работе с новинкой три дня без передыху, больше посвящая времени прохождению этого курса, нежели изучению самого острова. Такое ощущение, что канадцы решили поставить на нас опыт. Опробовать костюмы в обстановке, максимально приближенной к боевой. Насколько я знаю, еще ни разу их не использовали, не только наемники, но вообще, никто, даже элитные армейские части. Первым выдали нам, даже непонятно почему – ведь от нас легче всего откеститься, переведя стрелки на вьетнамцев, на пиратов, на кого угодно. Ни документов, ни чипов, неизвестные в неизвестном облачении вторглись на чужую землю и шарятся вовсю.

– Врагу не сдавать и самим не попадаться, – еще раз предупредил Пророк, хмурясь.

– Это понятно, они ж по пятьдесят миллионов...

– Псих! – недовольно повысив голос произнес майор. И ко всем: – Все, побазарили, движемся. Поселок в пяти ка-мэ, добираемся быстро. Для ускорения часть пути идем по шоссе, пока на нем никого. Скакун, что с маскировкой?

– Включаю, – буркнул я, завозившись с лепестками в шлеме. Костюм действительно представлял собой чудо инженерной мысли, впрочем, военные спецы из Канады давно удивляли мир своими продвинутыми технологиями. Делали на совесть, что броневики, что стрелковое оружие. Что бронезилеты. Это облачение не исключение. Все бы хотели ее заполучить, да что там, китайцы давно сперли чертежи из лабораторий, но суди по тому, как продолжали охотиться за прототипами, у них не ничего не вышло с созданием аналога. А очень хотелось. Еще бы – бронестойкий, практически незаметный, он позволял надевшему его двигаться быстрее, лучше переносить нагрузки – благодаря встроенной аптечке и блоку гелевого питания, – оставаясь бодрым и бдительным, связывал группу особыми глубоко зашифрованными сигналами, сообщая командиру, все ли в порядке с его подчиненными, а подчиненным помогая общаться на любом расстоянии, вне зоны видимости. Обогревал зимой и охлаждал в жару. Универсальный, удивительно удобный скафандр, да тяжеловатый, но, стоит только принориться и следить за датчиками – и чувствуешь себя, как дома.

По дороге мы продвинулись на километр, дальше находился пост. Такие тут были разбросаны практически повсеместно, что мобильные, что стационарные. Будто китайцы постоянно опасались вторжения. Или уж скорее бегства. Пророк дал знак сходить с шоссе, но тут же остановился.

– Скакун, ты у нас самый резвый, проверь, что там, – приказал он. Псих бы поспорил, я же безропотно подчинился. У Пророка было звериное чутье на непредвиденные ситуации, верно, потому и получил свое прозвище. А вот мне мое досталось «по наследству», от погибшего год назад в группе Всадника. До него я пока не дотягивал, удостоившись менее почетного прозвища. Да и резвости прежнего товарища мне, конечно, недоставало, майор говорил так уже по привычке. Хоть и столько времени прошло.

Включив инфравизор, я скользнул в кусты и, широкой дугой принялся обходить будку. Странное дело, тут Пророк прав, тепловых следов окрест не наблюдалось. Вообще никаких следов. Я подошел ближе, еще ближе, уже различал в окне станковый пулемет Тип-89, нацеленный в потолок. И только тогда увидел нечто странное, не сразу понял, что именно различаю. Осторожно подтянулся, заглянул внутрь. По идее, видеть меня находящиеся в будке не должны. Костюм размывал свое изображение, как-то хитроумно преломляя его так, что на моем месте сторожа видели бы лишь странное шевеление листвы за спиной, подныгивавшейся к окну.

Но сторожей в будке не оказалось. Я влез в окно, увеличил яркость визора. На полу валялось изрядное количество стреляных гильз, а сам пулемет, с силой пытались выдрать из гнезда, его заклинило, но рвали с невероятным усилием. Восемьдесят девятый держался на одном винте. Я осторожно прошелся по комнатке, заглянул в прихожую, в приоткрытую дверь.

– Артек, быстро сюда. Это по твоей части.

Две штурмовые винтовки «Норинко», НАР-10, разбросанные магазины, клочки одежды, пуговицы. И громадная лужа крови, даже не верится, что всего от двух человек. Артек молча нагнулся над ней, краем глаза ухватил что-то в кустах, потянулся. Брезгливо морщась, вытащил ботинок, внутри что-то хлюпало, нет, понятно, что. В этот момент подошли Пророк и Шут.

– Что это за месиво? – спросил последний. Артек пожал плечами.

– Могу сказать, что мы на остров не одни прибыли. Очевидно, кто-то еще свалился чуть раньше. Вот только странно...

– Что еще? – недовольно буркнул майор.

– Здесь даже асфальт холодный. Что говорить о содержимом ботинка. Будто в холодильнике держали. Вон, ледок плещется.

– И что это значит?

– Не имею представления. Но потрошили чем-то очень острым.

– Мачете? – спросил Шут.

– А он при этом отстреливался, – влез я. – Тут на всю ленту пулемет наработал, аж перегрелся.

– Значит, за Еленой пришли еще какие-то засланцы, – хмыкнул Пророк. И тут же одернул всех. – Ну, что стоим. Заложники сами спасаться не будут. Двигаем.

Мы двинули. На этот раз, Артек шел предпоследним, а группу, ведомую майором, замыкал я. Пересекли речушку, струящую холодные воды с вулкана, вышли на банановое поле – не удивился его наличию. Китайцы тут и рисовые поля бы соорудили, да почва не позволит. Снова пересекли ту же речушку, у водопада, высотой метра два, поднялись и через лесок добрались до поселка. Двигались молча, даже обычно говорливый Псих лишь обеспокоено сжимал в перчатке парализатор, оглядываясь изредка на меня, но ничего не говоря. Тишина стояла оглушительная. Даже на подходе к тем пяти-шести хижинам, собранным из коробок строительных домиков, что гордо именовались поселком археологов, не услышали ни единого звука. Будто костюмы глушили их. Сам Пророк, уж на что ко всему привыкший и все переживший, но и то, невольно отщелкнул на минуту шлем, желая увидеть все своими глазами, и этим едва не обесточив связь всей нашей группы. Спohватившись и помотав головой, вернул его на место. Опустил забрало стекла.

– Режим маскировки, – донеслось до меня.

В это мгновение вдали заработал пулемет.

– Проклятье, – ругнулся майор, добавив к этому еще пару непечатных выражений и шархнулся в сторону. Не любитель обсценной лексики, тут он не смог себя сдержать. Стреляли где-то в районе раскопа. Пророк глянул на часы. Уже час с четвертью бродим по острову, надо поторапливаться, а тут еще непонятный переполох начинается. Вслед за очередью, с раскопа донеслись одиночные выстрелы, бухнула не то граната, не то выстрел из подствольника, заглушенный новой долгой очередью. Еще граната, и стрельба вдруг разом стихла.

Над головой почти бесшумно проскользила «Черная акула» – вертолет Ка-52, долго и усердно поставляемый нашими инженерами для нужд НОАК, не то в качестве компенсации за вхождение в антикитайскую коалицию, не то как возможная контрибуция, на случай Филиппин. Даже Пророк растерялся, увидев в самый последний момент эту модернизированную машину смерти. Впрочем, вертушке не было дело до пятерых диверсантов, пилота интересовало нечто иное. Снова по широкой дуге, точно заходя на неведомую цель, он приблизился к вулкану. Пророк схватил бинокль, долго вглядывался в уходящий за гору вертолет, теряющий высоту, скрывающийся за плотным лесом, скрывающим разломавшуюся некогда вершину вулкана. Наконец, он окончательно скрылся.

И снова тишина.

– Все, за работу, – приказал Пророк. – Не оглядываемся.

– Кажется, нам уже можно пользоваться обычным оружием, – хмыкнул Псих. – Чем пыжиться и привлекать внимание дергунчиками.

– Пока обождем. Маяк на месте, если все в порядке, уйдем напрямую. В такой суматохе...

– Похоже она только начинается, – он снова усмехнулся и прыгнул вниз с небольшого пригорка, торопясь пробраться к поселку с тыльной его стороны. Пророк последовал за ним, остальные, согласно разработанному еще пять дней назад плану, принялись обходить домишки справа, пробираясь к небольшому деревянному мосту через сухой лог. Артек шел первым, я снова замыкал шествие.

В сущности, напрасные предосторожности, разве что, формальность соблюсти. Китайцы и так были взбудоражены происшедшим, никто не спал, все столпились у передатчика, находящегося возле въезда в поселок, кажется, заложницу, если она еще находилась тут, охра-

нять бросили начисто. Бойцы народно-освободительной армии с тревогой вглядывались в черные небеса, в сторону вулкана, чего-то поджидая. Из динамика хрипло доносились какие-то команды, я разбирал их через слово. Вполне возможно, приказы сознательно отдавались не на официальном путунхуа, который у нас именуется мандаринским наречием, и который на всем юге и западе понимают с большим трудом, а на местном, юэ, именно для того, чтобы бойцы, забранные из местных, понимали в точности, о чем идет речь. Кажется, это имело колоссальное значение, раз уж офицерство так заполошилось. А значит, нам же проще войти и выйти.

Мы втроем быстро перебрались через дол, поднялись. Я обошел пост, Артем осторожно приблизился, подобравшись со стороны лога. Помехи мешали даже бойцам расслышать, что происходит, многие переспрашивали у самых востроухих. Неожиданно, в их среде оказался северянин. Ну, или тот, кто плохо понимал наречие. Ему начали пересказывать содержание переговоров штаба и войск с раскопа, перемежаемых приказами остальным частям, расквартированным на южной части Лонгдонга.

Хорошо, что это случилось, а то я тоже не шибко разбирал юэ, не то, что остальные члены нашей группы. Ведь, прежде я занимался диверсиями именно на севере, это полтора года назад меня перебросили во Вьетнам и затем влили в группу Пророка. Тоже история, о которой не хочется вспоминать. Жесткая и неприятная, как и все во время гибридной войны, когда пропаганда мешается с банальным разбоем, разбавляется санкциями и саботажем, сдается шпионажем и созданием террористических ячеек, по возможности, везде и всюду. Мелькнула мысль, а может и Елена как-то причастна к этому, ведь ее исследования денисовского человека – они же так важны для правящей партии. И это несмотря на то, что госпожа Хан, вернее, товарищ Хан, родом из враждебной, с давних пор, России, младшей сестре Поднебесной, стране, к которой в Китае относятся с пренебрежением, но и с изрядной долей уважения – опять же, случай, когда Достоевский мешается с председателем Мао.

– Враг засел у храма, его необходимо как можно быстрее выкурить, чтоб никто больше не пострадал. У нас и так потери в тридцать убитых и раненых, – торопливо объясняли северянину, вслушиваясь в хриплый говор начальства. – Говорят, пока один, но похоже, что их уже два. Туда три вертолета послали, сам видел, «Акула» пошла. Она-то справится. Поди знай, что эту заразу берет.

Последнее мне не понравилось совсем. Но договорить словоохотливому китайцу не дал Шут – внезапно выскочив из-за моей спины, он за пять секунд разрядил обойму, парализовал всех шестерых. Тут же перезарядил пистолет и двинулся к домикам, отчаянно махая нам рукой. Я едва различал его силуэт в инфракрасном диапазоне. Солдаты валялись, как кегли, возле его ног. Через минуту послышалась еще пара выстрелов – значит, есть сознательные бойцы в поселении, сторожат, не отвлекаясь на общее беспокойство.

– Сколько тут всего охраны? – спросил я у Артека. Тот пожал плечами.

– Много быть не должно, пока остров не стали глушить, большую часть переместили к раскопу. Но ты и так это слышал. Шут... черт, куда ты полез, нам противоположный дом нужен.

Артек бросился к Шуту на подмогу, я устремился к обратной стороне улочки. Режим маскировки работал странно, каждые минут пять приходилось дергать лепесток, чтоб снова заработали помехи, создавая иллюзию. Неожиданно столкнулся с Пророком, едва не засадившим в меня выстрел. Отвел дуло в последний момент. И это несмотря на то, что я обозначался синей галочкой на стекле, а китайцы, да вообще все остальные, кто не в группе – красными.

– Черт, мы так второпях друг друга положим, – сообразил он, опуская парализатор. – Весело же будет. Сколько вы вдвоем успокоили?

– Похоже восьмерых, – я услышал еще одно хлопанье пистолета. И еще. – Нет, девятерых.

– Значит, все прочие у заложницы. Давайте быстро. Слышал, что китайцы говорят?

– Слышал, всего двое...

Возле вулкана снова поднялась стрельба. На этот раз задействовали и Ка-52, который, приподнявшись над деревьями, принялся поливать свинцом неведомого противника. Поднялся еще чуть повыше, трассы пуль поднялись следом, будто и его враг сумел неведомым образом оторваться от земли и незримый в инфракрасном диапазоне, продолжал оказывать сопротивление. Какое и как – непонятно.

– Чуть какая-то, – Пророк мало обращал внимания на вертолет, не то, что я, он методично выстреливал обойму в выскакивавших, один за другим, солдат, которые валились с крыльца, будто кегли. – Что за двое террористов здесь – в наших костюмах, что ли? Выходит, две группы? Но на черта нас не предупреждали!

В доме тоже работало радио, передавая сообщения по острову.

– Похоже, – теперь мне досталось снять ноаковца с балкона, он плавно съехал на гофру крыши. – Только уж больно устойчивые. И судя по вертолетам, с поддержкой беспилотников.

– Прямо танки, – согласился Пророк. – Давай, через верх.

– Понял, – я подтянулся и перемахнул через балясины, оказавшись на миниатюрном балкончике, сделанном из половины бытовки. Тут же столкнулся с солдатом НОАК, стрелять некогда, двинул ему в челюсть прикладом пистолета и уже после сделал контрольный в голову, чтоб отдышалось дольше.

Стрельба у раскопа продолжалась, переместившись чуть дальше и выше по склону горы. Вертолет отчаянно палил по воздуху, я ничего не видел, кроме его раскалено-белых винтов, полыхавших, будто прожектор. Внезапно сияние померкло, нечто, по размерам сопоставимое с «Акулой», промелькнуло между мной и Ка-52, а затем... Винты внезапно остановили свой бег, прожектор погас. Я потерял вертолет из виду мгновенно, слыша только, как он с грохотом рухнул в джунгли.

В то же мгновение некто попытался дать мне в челюсть, шлем самортизировал удар, да и нападавший промахнулся. Что он видел, я не представляю, да, зазевался, упустив стража, но и он не больно-то рвался в схватку. Можно сказать, повезло. Выстрел, и солдат упал подле балкончика. Я поспешил внутрь и снова едва не столкнулся с Пророком, с трудом различая его в метре от себя.

– Елена здесь, – больше жестами, чем голосом, сообщил он. – Вышибай.

Дверь слетела с петель. Внутри находилась только археолог, испуганно вскочившая со стула и прижавшаяся к стене.

– Кто здесь? – испуганно вскрикнула она, закрываясь руками.

– Свои, – на русском ответил Пророк, отключая маскировку. – Свои.

Я говорил, что знал Елену шапочно, в молодые годы видел ее в родном Хабаровске, даже пытался задавать вопросы, что теснились в голове, после пресс-конференции. Конечно, их было много, а времени у Елены Викторовны в обрез. Но вниманием юности она была польщена, так мне показалось. После, я с ней несколько раз списывался, когда ее группа возвращалась – все реже и реже – из КНР. Она делилась событиями не очень охотно, а после и вовсе перестала отвечать. Не то цензура, не то возраст – Елена старше меня на двадцать лет, да и что ей до любопытства какого-то школяра, наверное, подобные письма (раз уж электронная почта руководителя экспедиции в открытом доступе на сайте) она получает в день не одно и, скорее всего, отправляет в корзину. Кто ж их знает, археологов?

Вот теперь довелось встретиться снова, после долгого перерыва. Как мне показалось, она ничуть не переменилась: большая любительница зеленых цветов и оттенков, госпожа Хан и сейчас оделась в рубашку салатного цвета навывпуск, черные брюки и мокасины. Волосы собраны в запоминающийся, по многим снимкам, хвост. Когда Пророк представился, объяснив

ситуацию и велел остальным участникам, всем, кроме Психа, подходить к дому, Елена немного пришла в себя, огляделась, приводя одежду в порядок.

– Вы очень долго. Я уже перестала ждать.

– Вы же отменяли сигнал. Да и собрать команду...

– Нет, не отменяла, – настойчиво произнесла она, тряхнув головой. – Больше того, пыталась продублировать, мне кажется, сообщение прошло.

Пророк покачал головой.

– Штаб не получал. Только СОС с вашего корабля.

– Подождите, как не получал? Я там рассказала о событиях последнего месяца. О том, что отстранена от участия в раскопках, что отправлена сюда, что... постойте, вы и про Флориана Бурхарда ничего не знаете?

– Кто это? – спросил я.

– Что это?! – воскликнула она, шарахнувшись от моего голоса. Проклятье, маскировка не хотела отключаться. Нужно было ей выработать свои пять минут и только тогда успокоиться. Прямо как семимильные сапоги – ни сантиметром меньше.

– Елена, простите, – я поднял стекло шлема. Вид, должно быть, у меня в этот момент жутковатый: лицо, подсвеченное желтоватыми светодиодами матрицы, выводящей данные на стекло и вокруг размытые пятна темноты. – Маскировка не снимается. Глюк костюма.

– Скаун, хорош дурить, отсоедини шлем, – рявкнул Пророк. Снаружи послышались шаги, голос Артека сообщил, что идут свои. – Ну вот, все в сборе. Сейчас мы вас вытащим.

Маскировка сошла прежде, чем я успел отсоединить застёжки. Елена только головой покачала. И спросила неожиданно.

– Это то самое канадское чудо, за которым наше... китайское правительство охотится уже лет пять?

– Оно самое, – кивнул я, решая, спросить ее о себе, юном энтузиасте денисовских исследований, которого она, может быть, вспомнит или лучше обождать. – Мы сейчас вас будем выводить, не волнуйтесь. Солдаты парализованы, они пробудут в отключке...

– Да подождите с солдатами. Вы не поняли. Надо вытаскивать Бурхарда из раскопа. Он же согласился на все, потому сейчас там шурует. Он и откроет храм. А этого допустить нельзя.

– Простите, я ни слова не понял, но у меня четкий приказ, – процеживая каждое слово, произнес майор, – Вытащить с острова только вас и никого больше.

– Вы даже не в курсе, что тут происходит.

– Согласен. И это не наше дело.

– Как раз ваше, и вашей команды. Именно сейчас Бурхард пытается проникнуть в храм, черт возьми, да вы слушаете меня или нет? Я никуда не пойду без него, если уж вы отказываетесь помочь мне.

– Простите, но я не знаю, ни кто это, ни ради чего нам мешать его раскопкам. Это что, какая-то шутка? – в комнату уже вошли и слушали перебранку Артек и Шут. Майор оглянулся на них. – Или профессиональная ревность?

– Объясните, что за храм? – добавил Артек. – Денисовцев?

– Господи, да конечно, нет. Это условное название. Послушайте... – Елена неожиданно замолчала, видимо, решая, как и что сказать. Ее больше никто не перебивал. Наконец, произнесла: – Знаете, если в двух словах говорить, так вы меня чокнутой посчитаете. Давайте я с предысторией объясню, – Пророк беспокойно двинул плечами, женщина истолковала его жест по-своему: – Можете не волноваться, про нынешнюю охоту тоже получится рассказать.

– Про другую группу засланцев? – уточнил Пророк.

– Это не... да и про них тоже, – решительно согласилась она.

– У вас десять минут.

– Мне хватит.

– Псих, а ты следи за дорогой. Мы выйдем через девять минут.

– Возле раскопа возня, так что поторопитесь, – заметил он, перемещаясь на край поселка. – Я снайперку нашел, если что – нарушу приказ. Тут и так такое...

– Понял, – наш любитель пострелять из всего мощного обрел новую игрушку. Пророк перевел взгляд на Елену и выразительно сел на второй стул, собственно, кроме двух стульев, стола и кровати, вернее, раскладушки, в комнатке не было ничего, даже шкафа для одежды, только крючки, с единственной пустовавшей вешалкой. Под раскладушкой находился ночной горшок, а на окошке, довольно грубо приваренная арматура решетки. Действительно, пленница. – Вы неделю здесь? Я имею в виду эту комнату.

– Почти месяц, – снова тряхнув головой, ответила она. – Меня отстранили сразу, как на раскопе появился Бурхард, инженер-материаловед из Вены.

– Так, сразу давайте по порядку. Начинайте с того, почему вы вообще остались здесь, хотя всех штатских...

– У нас специализированная миссия. Наша группа состоит на учете особой комиссии по истории и происхождению китайского этноса. Она занимается... – Елена запнулась. – Если в двух словах, то ее члены пытаются доказать жителям Поднебесной их самобытность. Неидентичность прочим народам и расам.

– Это что, – недовольно хмурясь, спросил Артек. – нечто подобное Третьему Рейху.

– Скорее, Рейх подобен. У китайцев это с античности, как и у многих других народов. У русских, у якутов, казахов, татар, да у кого угодно, вы найдете эпосы, посвященные самости великого народа, и ничтожности всех остальных. Возьмите хоть былины...

– Думаю, все поняли. Если можно, покороче. Только, чтоб Артек не переживал.

– Комиссия прежде занималась исследованиями Хомо эректус, человека прямоходящего. Прежде, при Мао, считалось, будто китайцы произошли от него напрямую, и никогда не соприкасались с Хомо сапиенсами, однако, позднейшие исследования, в том числе, проводимые, самой комиссией, вынуждены были отменить эту теорию как неверную. Подвел анализ генома. Но в нем нашли очень большой процент неизвестных маркеров, указывающих на другой вид людей. Позднейшие исследования указали, что это денисовцы, и вот тогда, в середине десятых, комиссия собрала ведущих археологов, разбросав их по всей древней части Поднебесной, от Амура до... до пещер Лонгдонга. Весь восточный Китай оказался перекопан исследователями. Прямо скажу, мне и моему отцу повезло – возле Бэйхая мы наткнулись на нетронутые останки десятков денисовцев, а затем, перенесли наши исследования на Лонгдонг.

– И что тут? – снова поторопил ее Пророк.

– Отчасти теория о происхождении китайцев именно от денисовцев верна, но не настолько, чтоб признать ее истинной. Наверное, еще годы исследований понадобятся, ведь в южных районах страны живут люди, в чьем геноме находится очень высокий процент маркеров именно денисовцев. И все же геном кроманьонцев превалирует, иногда очень незначительно. Хотя, я не исключаю, что после этот факт будет опровергнут, ученые в комиссии сплошь партийцы, и им выгодно показать то, о чем попросили. Ведь денисовцы, как известно, произошли от неандертальцев, а те откололись от кроманьонцев больше семисот тысяч лет назад... Я понимаю, вам это не интересно, но именно этому посвящены наши с отцом исследования и именно поэтому, нас не погнало вслед за остальными, когда на острове обосновались войска. Очень хотелось получить нужный результат, сами видите, сколько мы успели тут раскопать, прежде, чем началось все это.

– Переходите к храму, если не трудно.

– Это не храм. Просто название, чтоб не привлекать внимания. Я опять вернусь к исследованиям, уж простите. Дело в том, что три с половиной тысячи лет назад денисовцы будто испарились с острова. Мы находили их останки в немалом количестве, но самые поздние датируются именно этим временем. По составу костей определить, что послужило причиной не то

гибели, не то спешного бегства населения с процветающего острова на материк оказалось невозможным – не находилось причин, пока мы не обнаружили в одной из заваленных пещер то, что военные назвали храмом.

– Они вмешивались в вашу работу?

– Скакун! – недовольно произнес майор.

– Нет, не совсем. Требовали результата побыстрее, иногда помогали с рабочей силой. Завалы к храму как раз они расчищали. На самом деле, это не храм, а некая капсула. По данным почв вокруг нее, мы определили, что она оказалась тут примерно в то время, когда денисовцы исчезли с острова. Было бы логичным связать одно с другим.

– Чья это капсула и что в ней? – спросил Пророк, уже подозревая, о чем пойдет речь дальше.

– Нам доподлинно неизвестно. Посему два месяца назад из Шанхая был похищен для изучения этого феномена Флориан Бурхард. Его семья была перебросена куда-то на военную базу под Бэйхаем, и выхода у инженера не осталось. Ему пришлось исследовать объект. Месяц назад он заверил, что ничего подобного не только не видел, но до сих пор не может определить, из чего она сделана. Понятно, что капсула искусственного происхождения, полая внутри, но вот даже лазеру не поддается. Вернее, поддается, но с большим трудом. Бурхард узнал, что материал наружного слоя капсулы по составу близок к графену, прочный, но достаточно эластичный и еще позволяющий принимать и отдавать потоки энергии, не нарушая собственной целостности. На этом и вышла загвоздка. Когда Бурхард первый раз попробовал облучить капсулу ионными пучками, то реакция последовала очень сильная и странная.

– У вас минута осталась, – холодно произнес Пророк.

– Я стараюсь говорить как можно короче, – парировала Елена, – но боюсь, иначе вы не поймете меня. А мне бы не хотелось поднимать хай и звать на помощь.

– Этого не понадобится, сударыня. Мы вас парализуем и выполним свой приказ. Дотащим до лодки и так.

Она заметно побледнела. Хотела что-то сказать, поднялась порывисто, но Пророк одним движением остановил ее.

– Вы не посмеете, – зло произнесла она. – От нас сейчас зависит судьба...

– Еще как посмею. У меня приказ доставить вас на нашу базу в Хайфоне, и я его выполню.

Мне за это платят.

– Вы... вы как наемники...

– А кого еще, сударыня, вы ожидали увидеть? Бойцов российской армии? Даже не надейтесь. Мы тут никто из ниоткуда. И вы прекрасно знаете, почему так.

Елена беспомощно рухнула на стул.

– Кстати, а почему вы до сих пор не ложились? – как бы про себя поинтересовался Шут. – Время-то позднее.

– Да потому что началась пальба, как будто не ясно. И у раскопа ведь, я сразу поняла, что случилось, и попробовала достучаться до охранников, потом пыталась поговорить с их начальством, потом... потом вы.

– И что у раскопа? – поинтересовался Пророк, но Елена махнула рукой.

– Вы мне не хотите верить.

– Я пока еще ничего не сказал. И слушал вас внимательно. Но до сих пор не могу понять двух вещей: что происходит на раскопе, и почему мы должны туда ломиться, хотя там и сосредоточена половина всех солдат.

– А происходит то, что Бурхард сдался и начал вскрывать капсулу.

– Вы сказали, это невозможно.

– Невозможно повредить, а не открыть. У нее есть что-то вроде входного отверстия, небольшого, диаметром метра в два.

– Подождите, – я снова влез. – А какой же размер самой капсулы?

– Шестнадцать в высоту и шесть в ширину. Метров. И четыре емкости для стражей по бокам. Двух Бурхард сейчас активировал.

– Простите?

– Те, с кем воюет армия. Это стражи капсулы, мы их так назвали. Некие механические существа, защищающие капсулу от любых воздействий, кроме бесполезных, с их точки зрения. Вроде наших первых попыток пробуровать ее. Когда мы нашли вход, и попытались воздействовать на него излучением, один был немедля активирован и тут же убил троих солдат, раскапывавших подходы, завалил вход землей и вернулся на место. Но как странно убил, никогда бы не поверила, не будь свидетельницей, – заморозил и буквально распотрошил их. Мгновенная смерть. Я приказала немедля остановить раскопки и...

Мы с Артеком переглянулись.

– Заморозил, вы уверены? – уточнил он. Елена кивнула, повернувшись к говорившему.

– А что, вы тоже...

– Да, мы, кажется, столкнулись с последствиями подобного. Когда он выбрался второй раз?

– Они. Сегодня вечером. Их теперь двое, ведь капсулу потревожили повторно. Еще и дали бой стражам. Они теперь не успокоятся, – и тут же решительно: – Вот именно поэтому денисовцы и исчезли.

– Но как они могли потревожить капсулу? – спросил я.

– Не могли, очевидно, просто стражи тогда не спали столько времени, как сейчас. И имели запас энергии, а не собирали по крохам... – и другим голосом продолжила: – Флориан был прав. Стражи питаются энергией. Когда капсула только упала, они наполнились зарядом, сейчас им едва хватает на сдерживание наших попыток продрасться внутрь. Неудивительно, что первые дни изучения капсулы, у нас постоянно садились аккумуляторы, даже самые мощные. А потом, после того, как страж атаковал солдат, вырубилось вообще все в пещере. Теперь, видимо, он накопил заряд, разбудил другого. А тут им раздолье, столько подстанций, пей, не хочу.

– Подождите, – Пророк поднялся. – Вы что же хотите сказать, что капсула, что все это... это вообще не отсюда?

– А так непонятно?! – зло бросила Елена. – Конечно, оттуда, – и кивнула на холодную россыпь звезд, видных сквозь решетку окна.

Мы переглянулись и синхронно глянули вверх зарослей.

– Не хочу вас беспокоить, дамы, но время истекло, – донесся в ушах голос Психа. Майор поднялся.

– Псих прав, нам пора собираться.

– Буквально два вопроса, – снова влез я. Пророк меня перебил.

– Некогда, по дороге обсудим.

– Я же сказала, уйдем на моих условиях.

– Сударыня, ну что мы-то можем сделать? Армия борется с одним только роботом, думаете, мы туда пробьемся? Нас китайцы постреляют. Все, давайте без разговоров и на выход.

Елена вздохнула. Поднялась и нерешительно окинула взглядом комнатку. Собственно, в ней ничего не было, кроме куртки и бейсболки археолога. Немного растерявшись, она сняла одежду с крюков, но надеть не решилась, держала в руках.

– Выходим. – поторопил майор. Мы двинулись прочь из домика, перешагивая через охрану.

Елена содрогнулась, увидев валяющиеся тела.

– Вы их...

– Они парализованы, – поспешил сообщить Шут. Вдруг вспомнив что-то, произнес. – Вы говорите, упала. Значит, это что-то вроде «Титаника»?

Елена обернулась на говорившего, она шла первой, ведомой за руку Пророком. Я замыкал шествие.

– Мы не обнаружили внутри следов жизни вообще. Но вы правы, капсула, скорее всего, потерпела крушение.

– А что на ее борту вообще есть? Кроме стражей?

– Нечто, – неопределенно произнесла она. – Что-то ценное, может... нет, не возьмусь сказать. Ведь никто груза не хватился за столько тысяч лет, не забрал, ни трупы, если они там есть, ни... вообще ничего. Оно все еще там... мне самой не дает покоя этот вопрос.

– Может, просто еще не нашли.

– Ну знаете, такая цивилизация, которая использует технологии, не поддающиеся изучению, роботов, которых и повредить-то непонятно как...

Псих вдруг заговорил откуда-то сверху, его фигуры, как ни присматривался, я не увидел:

– Не сюда, в другую сторону. Со стороны моря к поселку подходят два броневика и два грузовика.

– Что за броневики, Псих?

– Китайские «Тигры», как я полагаю. И человек двадцать солдатни. Давайте обратно, они ж, как увидят парализованных...

Пророк резко остановился. Огляделся, стукнул по шлему.

– Договорились, – зло бросил он. – Надо было сразу... а, да что теперь. Елена, куда ведет эта дорога.

– К раскопу, – просто ответила она.

– Вы издеваетесь?

– Здесь две основные точки – порт и раскоп. На северной части...

– Я понял, понял. Черт, джунгли такие, что просеку не вырубил, заметят тут же.

– Пророк, да кто сейчас за нами охотится станет?

– Артек, ты в себе? Мы сперли товарища Хан, конечно, будут, несмотря на всех стражей. Заткнись и двигай.

Волей-неволей, двинулись к вулкану. Дорога, выходя из поселка, резко запетляла, тут же превратившись в грунтовку. По сторонам стояли два грузовика и экскаватор, возможно, тут планировались какие-то дорожные работы, но все они оказались свернуты. Не исключено, с появлением австрийского материаловеда.

– Елена, скажите, Бурхард уже был на раскопе, когда появился страж?

– Да, а поскольку я требовала прекратить снова раскапывать капсулу, меня отстранили. Не сразу, через неделю. Ее изучением целиком занялся Бурхард. И, боюсь, он доизучается.

– И это несмотря на погибших?

– Можно сказать, если б не погибшие, работы по-прежнему вела я. А раз я воспротивилась, раз капсула...

– Псих, не тормози, что ты там застрял? – рявкнул Пророк.

– Прибывшие нашли парализованных и вяжут их, как будто... похоже, они думают, это дело этих стражей. Черт, похоже, один из роботов с капсулы этой ватагой действительно заинтересовался.

– Как он хоть выглядит?

– Да черт поймет... как медуза, только размером с бытовку. И щупальца штук десять, длинные. Точно, как медуза... вот зараза, она мимо меня пролетела, такой холод, как будто...

– Псих, вали немедленно.

– Валю, только... проклятье! Да сами смотрите, что это за штука. Китайцы свет включили.

Мы успели взобраться на небольшой пригорок, оттуда поселок был виден, как на ладони. Солдаты действительно успели зажечь прожекторы и теперь спешно поворачивали их в сторону поселка, меж домиков тоже зажглись фонари – внизу стало светло, как днем. И среди этого зарева, черной тенью, с едва заметными вкраплениями иссиня-ледяного металась чернота, конус с длинными, метров в семь, иззубренными отростками, вертевшимися вокруг основного, прямого штыря, чем-то напоминавшего мне яйцеклад у самок саранчи. Вращение стража замедлилось, судя по его резким перемещениям в пространстве, это действительно был механизм – вряд ли какое живое существо вынесло бы столь частые и разнонаправленные перегрузки по шесть-восемь «же», каждые пару секунд. Пока страж не напал, только следил за солдатами, будто поджидая чего. Возможно, хотел, чтоб его заметили, недаром же последнюю минуту он почти неподвижно висел над группой из шести солдат, вяжущих пенькой своих товарищей. Один ругался так громко, что в тиши – тут только я сообразил, что движения стража не производят ни единого звука – было слышно, как он рассказывал товарищу свои страхи перед новым появлением грозного вестника ночи. А через миг увидел того в небе. Истерично заорал и выхватив автомат, с бедра начал стрелять.

Немедля поднялась суматоха. Страж все еще недвижно висел, принимая на себя пули, звонко щелкавшие по его дубленой шкуре, затем чуть поднялся. Теперь в него палило, сперва из автоматов, а после уже из подствольников, с десятков человек. От выпущенных гранат, он с легкостью увернулся. А затем.

– Снайперка его берет, паскуду! – довольный вскрик Психа, не выдержавшего общего настроения, присоединившегося к нему. – Я этой заразе хвост отстрелил.

Страж резко дернулся, видимо, Псих попал еще раз. Отростки растопырились, завертелись, и вокруг своей оси и вокруг головы робота. Несколько резких движений, страж поднялся ввысь и тут же нырнул, выискивая стрелявшего. Псих сумел каким-то чудом увернуться от ярости механического монстра, выбежав на дорогу, спрятался за ковшом экскаватора. Это его и спасло. Лезвия прошлись по тяжелому металлу, всковыривая его, ровно консервный нож, только с пронзительным скрипом. Через мгновение, страж нашел стрелявшего, вырвал Психа из укрытия и уже в полете – кто-то, кажется, Пророк, едва шепнул вслух его имя – изорвал на части, разбрасывая окрест. А затем дохнул, натурально, дохнул на солдат.

Холод волной прошел по поселку, превращая вечное лето в зимний пейзаж. Домики покрылись инеем, деревья замерли, хрустко шелестя опадавшими листьями. Солдаты, не успевшие разбежаться, обращались в мраморные статуи, немедля ломаясь под собственным весом. Уцелели только те, кто успел уйти с дороги ледяного удара.

Броневику стал боком, защищая своих от новой волны. Хотя вряд ли мог бы спасти от нее. Куда больше пользы принес его пулемет Гатлинга, начавший обстрел стража, вызывая ответный огонь на себя. Страж дернулся несколько раз, видимо, пули со стальным сердечником, оказались неприятны до этой механизированной твари. Бросился, почти не разбирая дороги на броневику. Одним махом смял и разорвал его на части, вспоров непрошибаемую сталь, выдирая водителя и стрелка и расправляясь с ними при помощи вертящихся щупалец.

И в то же мгновение ожил второй броневику. Страж оказался в пределах досягаемости его портативной ракетницы. Четыре выстрела были произведены сразу, еще четыре чуть погодя. Страж каким-то невероятным усилием сумел увернуться от большей части залпов, но три попали по назначению. Первая же снесла переднюю крышку конуса, очевидно, повредив оборудование, еще две угодили в хвост. Дернувшись, страж подскочил, взрывная волна подбросила его – страж еще пытался сопротивляться, но уже агонизируя. Пролетев по пологой кривой почти с полкилометра, по дороге изрыгая вспышки искр и морозные вздохи, он достиг моря и ухнул в прибрежные волны, разом превратив их в массивное скопище льда, растянувшееся на десятки метров по сторонам.

Взрыв восторга последовал за грохотом падения стража.

Пророк снял шлем, отер мокрый лоб, лицо, прямо перчаткой, оставившей глубокие царапины на щеках. И молча двинулся дальше по склону горы, увлекая за собой Елену, все пытавшуюся обернуться еще раз глянуть на место разыгравшейся драмы.

– Мир твоему праху, Псих, – произнес Шут, лишившийся не столько верного напарника, с которым воевал уже больше семи лет, но и старого друга. Он еще постоял недолго, глядя на искореженный стражем экскаватор, а затем двинулся вниз, включив маскировку.

– Шут, что еще за...

– Пророк, ты забыл о костюме? – горько спросил Шут. Майор ссутулился, разом остановившись. – Я быстро. Не ждите.

Шли молча, дорога петляла отчаянно, превратившись в узкую колею, на которой двум машинам разъехаться было бы проблематично – либо одной надо упираться в скалу, либо другой съезжать по насыпи. Малейшего ограждения, даже деревянного, на этом серпантине не предвиделось. Поселок остался далеко позади, наконец, погрузившись в черноту, оставив после себя только белое, медленно тающее пятно инея. Или это уже иллюзия, вызванная черными воспоминаниями.

Оставшийся в живых «Тигр» тархтел где-то внизу, неспешно поднимаясь к раскопу, ведя за собой уцелевших солдат. Видны были только его фары, едва разрезавшие ночь. Тоже старался не привлекать к себе лишнего внимания, прекрасно понимая, что его ждет впереди. Но хоть они смогли найти брешь в прежде неуязвимой броне стража. Осталось три, как сказала Елена. Или все же, больше?

Думать не хотелось. Пророк шел первым, он же, едва серпантин стал поворачивать в сторону раскопа, дал знак спускаться по насыпи в противоположную сторону, к морю, туда, где оставалась наша лодка. Елена не преклословила больше, шла вместе с майором и Шутом, мы с Артеком замыкали группу.

Танк царапнул бортом скалу и снова заурчал мотором.

– Тупые китайцы, используют три вида патронов, что мне три винтовки с собой таскать? – Шут отчаянно строил из себя Психа. – Да плюс пистолеты. Как в дурацкой компьютерной игре.

– Пусть расцветают сто цветов, – произнес Пророк, не поворачивая головы, – Так, кажется.

– Ну да, у них все расцветает, кроме ума. До сих пор две колеи в стране, мозгов не хватает выбрать. Филиппины захватили, а Монголию не могут.

– Или не хотят, – вступился за нее Артек. – Зачем она им. У них своя есть, Внутренняя. Шут, тебе еще не хватало в стрелялки играть.

– Это сын играет. Не оторвешь. А я живую, как видишь.

– Не знал, что у тебя есть сын.

– Я тоже, – он хмыкнул. – Недавно познакомились.

– А что за повод? – но он предпочел отмолчаться. Как всегда в таких случаях. У нас не было принято вытаскивать свое настоящее «я» наружу. Наверное, потому и клички. Часто мало подходящие носителю. Ну, какой из меня, скажем, Скакун. Такой же, как из Шута паяц, как бы он ни старался порой оправдать прозвание. Вот и теперь – пыжился, шутовал, пытаюсь занять место друга, будто этим стараясь, если не оживить его, то оставить в воспоминаниях покрепче.

Елена это поняла первой, подошла, вернее, соскользнула к нему, выразила сожаление, что Псих умер.

– Морпехи не умирают, – жестко ответил Шут, не повернув головы. – Они десантируются в ад.

И не оглядываясь, двинулся дальше. Теперь он возглавлял группу, отчаянно размахивая мачете, прорубаясь сквозь заросли черных стволов кустарника, буквально оплетшего весь конус вулкана, почти вплоть до жерла.

Елена не выдержала, видно, слова сильно заделали ее, снова подошла к Шуту, зашептала. Я едва расслышал ее речь.

– Ну зачем вы так. Вы же доброе дело делаете.

– Нет, сударыня, – теперь куда спокойней заговорил он. – Мы убиваем, за это другого не положено.

– Но вас ведь благословляют, снимая грехи.

– Это отмазка для больших жертв, и только. Ведь государям выгодна массовая резня среди чужого народа, иначе его бы пришлось кормить. Все давно готовы к большой войне, соскучились по ней. И солдаты, и генералы, и народ. Пресса перекормили всех и каждого обещаниями стирать и распылять. Антихристу будет хорошая армия, – неожиданно произнес он, чуть помолчав. – Интересно, что противопоставит ей Христос? Три тысячи девственниц?

– Шут, кощунствуй у себя дома. В стране Конфуция твои слова как об стенку горох, – одернул его, доселе молчавший майор. – Тут положено служить государю и до и после смерти.

– В этих краях почти не знают Конфуция, – как-то механически произнесла Елена. – Куда больше язычество развито. Поклоняются духам предков и силе своего рода. Как у славян. Мы в этом были сильно похожи.

– Да уж, мы и сейчас сильно похожи. Зады лизать и радоваться, – с медленно закипавшей злостью произнес Шут. – Традиция, ей уж тыща лет, если не больше.

– Шут, ты худшая версия Психа из мыслимых, так что заткнись, – не выдержал и Артек. Тот оглянулся на боевого товарища, но замолчал.

Снова тишина охватила джунгли. Кустарник заметно поредел, в нем появились прорехи и длинные залысины, как будто некогда здесь пытались расчистить территорию не то под строительство, не то для простого наведения порядка в джунглях, и так опутавших весь Лонгдонг от края до края. Невдалеке завиделась асфальтированная дорога, то самое шоссе, по которому мы и пробирались в поселок. Значит, осталось всего ничего.

– Интересно, стражи полностью автономны или зависят от команд капсулы? – вдруг заговорил, точно сам с собой, Артек. – Елена, вы получали сигналы из нее во время пробуждения первого стража?

– Нет. Да и не думаю, что в такой простой ситуации стражам требуется какая-то дополнительная мотивация, – чувствовалось, оба рады сокрушить сдавившие их стены молчания. – Все на автопилоте.

– А их только четыре? Или где-то глубоко внутри еще спрятаны?

– Думаю, нет. Хотя и не уверена полностью. Внутри капсула почти полностью пуста, исключение составляет некое образование в самом центре, на высоте метров семи, что-то подобное семечку пшеницы, только увеличенному в сотни раз.

– А в нем что?

Она покачала головой.

– Невозможно узнать. Как только мы попытались это сделать, страж и выбрался. Теперь, – она обернулась, – раскоп обесточен, видимо, после гибели одного из роботов, стражи готовятся отразить более масштабную атаку.

– А она будет? – поинтересовался я.

– Обязательно. Генерал Чжан не будет церемониться, когда узнает, что стражи не такие уж неуязвимые, как я говорила. В этом я действительно ошибалась.

– А что в капсуле, кроме нее самой, так интересуют военных? – я перехватил инициативу у Артека.

– Да все, думаю. Материалы, принцип движения, вот это холодное оружие.

– Цикл Карно, – тут же отреагировал Артек. Елена обернулась непонимающе. – Я так понял, стражи используют тепловую машину, преобразующую тепло в работу и наоборот с идеальными или очень близкими к ним характеристиками. Почти вечный двигатель, – еще раз пояснил он, видя, что и Пророк остановился, пытаясь вызнать, о чем сейчас вообще говорит нахватавшийся за свою жизнь всего понемногу Артек. Собственно, за эти познания всего и вся, – пусть и неглубокие, но достаточные для того, чтоб вот так остановить группу и начать ей объяснять адиабатические и изотермические процессы идеального теплового двигателя в координатах температуры и энтропии, – его и прозвали Артеком. Сам говорил, что такое любопытство получил именно там, еще ребенком отдыхая в прославленном лагере. Тогда еще принадлежавшем Украине.

Теперь его сын тоже отправился на август в Артек. Уже принадлежавшей Украине. Такая вот пертурбация. России пришлось выбирать, чем жертвовать: новыми завоеваниями или старыми партнерами. Да, азиаты мы, но всегда смотрели с обожанием на Европу. А за любое обожание принято расплачиваться.

– Кто сейчас руководит раскопками? – перебив Артека, спросил майор. – Я имею в виду офицеров НОАК.

– Генерал-майор Чжан Юнь из штаба стратегической поддержки Южной зоны военного командования, – отчеканила полное звание и должность своего руководителя археолог.

– О, как. Даже не старший полковник.

– Его повысили в начале года за наш вклад в изучение денисовцев, – нахмурилась Елена. – Но вообще, генерал-майор из Южного флота. Специально направлен на раскоп, ведь он еще и залив контролирует. И спорные территории.

– Значит, не зря поставили, раз здесь все в его власти, – Пророк недовольно хмыкнул и сделал еще один шаг вперед, неожиданно замер, так и не ступив на асфальт шоссе, ведущего к поселку.

А через миг в лицо ударил сноп света из стоявшей возле стены кустарника бронемашины, и кто-то, кажется, находящийся возле нее, хриплым от волнения голосом, скомандовал:

– Стоять, руки вверх! Товарищ Хан, два шага влево, остальным бросить оружие. И снять костюмы. Медленно.

Послышался треск передергиваемых для убедительности затворов. Проектор опустился чуть ниже, перестав слепить. Ничего не оставалось, как повиноваться.

Нас довольно шустро разоблачили, вплоть до майки и трусов, затем сковали пластиковыми наручниками, хорошо хоть, не заламывая руки, и посадили на борт грузовика. Елену немедленно отделили от нас, отправив к водителю. Китайцы торопливо сновали между нами, стараясь выполнить приказы полковника, командовавшего операцией по поимке диверсантов.

Когда нас погрузили, он подошел, внимательно взгляделся в лицо Пророка и буркнул.

– Как же вы, русские, нам надоели. То и дело лезете, будто вам до всего дело есть. И все на двух стульях стараетесь усидеть. И помогаете и гадите одновременно. Что, думаете, после такого вас уважать будут?

Мы молчали. Ни отвечать, ни что-то говорить после такого неожиданного поворота, не хотелось. Видеть никого не хотелось. Особенно шустривших вокруг солдат, и не рядовых вовсе. Нас обыскивали, отбирали костюмы и оружие сплошь фельдфебели – словно, на всем острове возможно появляться только младшему командному составу НОАК. Я знал, что в китайской армии очень много руководства, но чтоб загонять даже на спорную территорию их в таком количестве... даже, непонятно, для чего. Ведь не спецназ, не элита сухопутных или морских сил. Обычные погоны ВМФ.

Вероятно, нас сразу отправят в Бэйхай и далее, в Чжанцзян, где находится штаб, и до недавнего времени протирал штаны, пока не свалилась такая удача, старший полковник,

а теперь генерал-майор Чжан. С костюмами тоже понятно, будут разбирать по молекулам, пока не соберут что-то, хотя бы в принципе подобное. Интересно, как много времени у них на это уйдет? Года два-три или больше? Но стараться они будут изо всех сил. Как когда строили свою космическую программу, воруя или получая за бесценок наши образцы техники. Как когда вооружались, опять же, за наш счет. Заимствовали до последнего, пока младшая сестра могла хоть в чем-то пригодится. Теперь вот, обе стороны готовятся к решающей схватке.

– Шут, а ты прав, насчет Армагеддона, – вдруг произнес Артек. – Никакого сравнения между армиями. У Христа либо мученики, либо праведники, у нас, – он хмыкнул. – Лучшие армии за все времена. Вообще все армии.

– Ну, почему. У Христа еще будут Александр Невский, Иван Грозный, Сталин...

– Это начальство, оно воевать не станет, только командовать. А кем командовать? Благоверными мужами и женами, только и умеющим лбы в такт отбивать. Наша победа просто предопределена. Даже схватки особой не будет. Закидаем шапками.

– И что ты этим хочешь сказать? – спросил я.

– Да ничего. Констатирую факт, что царства божьего не будет точно, как бы ни раскатывали губу правоверные христиане. Вместо пары сотен царьков на земле будет командовать один. Вот хорошо это или плохо, другой вопрос. Думаю, что все же не очень.

– Артек, и ты туда же, – недовольно посмотрев на него, произнес Пророк. – Какой смысл в этом разговоре, объясни?

– Раз наше будущее предопределено, пытаемся понять о том, что случится после того, как мы восстанем из мертвых и пойдем воевать снова.

– Вот не думал, Артек, что ты верующий.

– Да нет, не особо. Раньше был, но потом... словом, просто крещеный. Вроде бы из этого состояния стать атеистом невозможно, только сменить веру.

– Факт. Откреститься от крещения не получится. Мне вот повезло, – усмехнулся Шут, – я не крещеный. Потому и смеюсь в ожидании. А тебе придется вспоминать «Отче наш». Кстати, могу подсказать.

К разговору прислушался сопровождавший нас, один из шести караульных. На неважном русском спросил:

– Что вы говорить?

– Поносим своих богов, – ответил Шут, улыбаясь во всю ширь.

– Но зачем? – удивился фельдфебель второго класса. – Это ведь не просто грех, за это отмстится. И потом, у вас один бог.

– В трех воплощениях. Да и он сам, верно, по привычке, говорит про себя все время «мы», – Шут буквально светился улыбкой. Как будто не терпелось встретиться с Психом. Да, скорее всего, так и было.

– Я не знал. Хотя нам давали вводную по христианству. Но предупредили, что большая часть вашего населения ходит в храмы только по праздникам.

– А у вас, разве, не так? – фельдфебель улыбнулся.

– У всех, верно, так. Тем более, я южанин. Верю больше не в Дао, а в своих предков. Они у меня, у нашей семьи, до седьмого поколения известны.

– Это много или мало?

– Немало. У некоторых в поселке и вовсе до двенадцатого. Сильный род, надежная защита, – он как-то странно махнул пальцами перед собой. Что это означало, никто из нас не спрашивал.

– Как же партия? – вдруг спросил Артек.

– Партия наш рулевой, – четко ответил фельдфебель, вдруг вспомнив, кто он и где и с кем разговаривает. – Но я беспартийный.

Охранники заулыбались. Видимо, все были в похожем положении.

Грузовик спустился к заливу, чтоб затем отправиться к порту. Повернув голову, я видел, как солдаты пригнали кран и из воды, уже освободившейся ото льда, неспешно доставали разбитого стража. С него ручьями лилась вода. И хотя в страже имелось немало отверстий, вероятно, начинка оставалась все еще подвластной изучению и хотя бы копированию. Вдруг подумалось, а ведь это чудовище прибыло сюда три с половиной тысячи лет назад, когда люди железа не знали. Какие же теперь за стражи у пришлецов – невозможно даже представить.

«КАМАЗ» дернулся и на повороте неожиданно двинулся вверх, через поселок, в сторону раскопа. Мы недоуменно переглянулись. В окне показалась голова Елены.

– Это Дзен, – прокричала она в нашу сторону. Ветер разнес ее слова по опустевшему поселку, где редкие солдаты грузили на платформы последние останки своих товарищей и везли к морю. По дороге нам повстречались три таких грузовика с широкими бортами, покрытыми глухим брезентом.

– Елена, вам лучше знать. Вы что, молились? – спросил Артек, будто продолжая тему, начатую Шутом.

– Нет, я не буддистка. Но... поневоле поверишь. Разве, нет?

– Куда уж там... – буркнул Пророк. Последнее время он, если и говорил что, то глухим, потрескавшимся голосом, пытаясь изгнать внешние голоса из головы, оставив только внутреннее. Не думаю, чтоб хорошие. – Спросите, куда нас тащат.

– Это очевидно, – прокричала Елена. – На встречу с генерал-майором. Он сейчас там.

Высунувшись из машины по плечи, она широко улыбнулась нам. Свой короткий хвост Елена развязала, ветер истоиво трепал ее жесткие волосы. Чернота на востоке начала потихоньку отступать, близился рассвет.

Раскоп больше всего походил на карьер, нежели на что-то иное, более привычное взгляду. Дорога, круто забиравшая вверх, неожиданно спускалась в неглубокую ложбину, на левом краю которой остались еще покрытые толстым синим полиэтиленом квадраты археологических исследований, знакомые по фильмам и слайдам палатки и ящики для упаковки находок. Все остальное место занимали разработки военных, а они с пещерами не церемонились. Взорвали все, что им мешало подобраться поближе и поудобнее к тому, что на их языке называлось «храмом». К таинственной капсуле, упавшей из звездной дали. Сейчас она едва виднелась, продолговатый черный эллипс, поблескивающий в темноте, точно елочная игрушка, без видимых повреждений, без знаков или символов, безо всего, что могло бы его выделить или отличить среди подобных творений, ежели они имеются еще на планете. Ровно, статуя неизвестного. Или заготовка, сброшенная на остров по временной ненадобности. Капсула одним концом прочно завязла в известняке, однако, остальная часть ее солдаты полностью высвободили из тысячелетнего плена мощной техникой, сгрудившейся в бездействии неподалеку. Вокруг нее разросся городок из знакомых бытовок, куда больший, нежели отведенный археологам. Вполне возможно, строительные домики попросту перетаскали в карьер. Кроме них, внизу, на глубине метров семи-восьми – верх капсулы находился как раз на уровне дороги, удививший к раскопу – находилось несметное количество всевозможной громоздкой аппаратуры, которую питала мощный генератор приволоченный прямо на место исследований. Видимо, его не хватало, а потому часть электроэнергии перебрасывалось толстыми черными кабелями на хлипких деревянных рогатинах откуда-то с северной стороны вулкана, ближайшей к Бэй-хаю. Верно, остров подводными жилами питался электричеством именно оттуда. Иначе невозможно объяснить все эти работающие глушилки, станции слежения и прочую технику, обеспечивающую безопасность и покой армии, надежно оккупировавшей Лонгдонг.

Несколько человек суетились вокруг аппаратуры, установленной буквально в двух шагах от капсулы. Часть ее была уничтожена еще в первый налет стражами, да и не только она. Несколько сожженных грузовиков и трактор уже оттащили в дальний конец раскопа, к боль-

шому конусу разбитого известняка, в который превратилась часть пещер вокруг капсулы. Невдалеке от нее виднелись три грязно-черные воронки, трудно сказать, что послужило их появлению, огонь с земли или неаккуратная стрельба ракетами с вертолета. Не того, чьи останки дымились в чащобе чуть поодаль, другого, первого прилетевшего на битву со стражем, а после уступившему место более современному, надежному, как казалось, уж точно могущему подавить сопротивление взезного механизма.

Странно, конечно, но в данный момент, сами стражи на раскопе отсутствовали, может быть, их заманивали в ловушку, может, они пытались разобраться с войсками в порту или в военных городках неподалеку, может, спрятавшись, выжидали новых попыток человек проникнуть в их реликвию. В самом деле, остров затих, стрельбы нигде не было слышно. Вообще, после уничтожения первого стража, установилась хрупкая тишина. И чем она была продиктована, трудно сказать, наверное, перегруппировкой сил. В любом случае, пока капсулу не трогали, стражи не спешили возвращаться к раскопу. Но не исключено, что один находился где-то неподалеку, в засаде, поджидая новых пакостей от тутошних жителей и готовясь нанести по ним немедленный ответ.

Помню, как меня поразила логика программного обеспечения аппаратов. Они постоянно вызывали огонь на себя, и только тогда начинали тотальное уничтожение. Что это, насмешка над туземцами или нравственный кодекс поведения роботов – трудно сказать. Видимо, и в этот раз случится что-то подобное. Возможно, когда генерал-майор Чжан услышит, как проще расправиться с охраной капсулы. Чем легче ее взять. И тогда бой вспыхнет с новой силой.

– Не пойму, на кой мы ему сдались? – произнес Шут мои мысли. Я пожал плечами.

– Если нас и вправду везут к Чжану, он сам скажет... возможно.

– А если нет?

– Значит, скажет не он, – Шут улыбнулся понимающе. – В любом случае, мы для чего-то еще нужны.

– Вас приказали взять живыми, – с извинениями вмешался в наш разговор словоохотливый фельдфебель. – Распоряжение от самого генерал-майора.

– И за что такая щедрость? – боец не понял. – Объясни тогда, как вы вообще на нас вышли?

– Я не выходил. Когда группа солдат из пятой роты прочесывала берег в поисках обломков уничтоженного стража «храма», то заметила вас. Они немедленно вызвали подкрепление. Мы просто перехватили.

– Действительно, просто. А что, мы так громко разговаривали?

– Я не знаю. Мне сообщили, что группа сержантов из пятой роты, прочесывающаяся окрестности прибрежного шоссе в поисках обломков стража, наткнулась на вас, – он будто извинялся, – я поднял своих. Генерал приказал обязательно брать живыми. Один из вас, товарищ Чжан это знает, жизнью пожертвовал, чтоб уничтожить стража.

– Да уж, Псих всегда оставался Психом, – пробормотал Артек. Шут впился в него немигающим взглядом, но ничего не сказал. Понятно, нас срисовали именно тогда, во время сражения, а затем, после уничтожения стража, занялись вплотную. Шут наклонился, выглядывая из кузова, Артек едва успел затащить его обратно, когда они проезжали слишком близко расположенный к дороге столб. Шут внимания на это не обратил.

– Елена, – он хлопнул по кабине ладонью. – Вас-то зачем к генерал-майору везут?

– Очевидно, объясняться. Меня выкрасть пытались. Товарищ Чжан во всем любит точность и порядок. Да и мне самой наконец-то есть, что ему рассказать. Ведь я была права.

– Вы это о чем? – но она не ответила, скрывшись в кабине.

Грузовик достиг вершины подъема, но к самому раскопу не поехал, неожиданно свернув на новый серпантин. Минут через десять стало понятно, куда именно нас везут. Среди зарослей вырисовалось массивное каменное здание, в два этажа, чья левая половина оказалась

почти полностью скрыта разлапистым плющом. Вид у постройки был довольно заброшенный, непрезентабельный, будто прежние хозяева, скорее всего, французы, оставили сооружение без присмотра, а теперь присмотр этот кое-как и больше по необходимости пытались восстановить новые владельцы, но будто не для себя, а как дань давно ушедшей традиции. Поменяли окна, двери, но оставили прежними рассыпавшиеся ставни и лепнину над массивным проржавленным карнизом, на котором виднелась прорезанная в железе надпись «Auberge de François Sardou», и чуть ниже дата: 1871. Загородная гостиничка некоего месть Сарду полуторавековой давности. В ней-то и располагался штаб военного командования острова Лонгдонг, как то было написано на китайском, краской на светлой сосновой двери, доски которой еще не перестали источать смолу. Так странно смотрелась она на сером, заросшем мхом камне. Мне почему-то показалось, прежде, дверь была железной, массивной, с зарешеченным оконцем и кольцом под ним.

Интересно, много ли постояльцев прибывало в эти удаленные края? Скорее всего, не слишком, и думаю, мало чем их контингент отличался от нынешнего. Ведь, в те годы Франция активно вела войны в Сиаме, а следовательно, в подобного рода заведениях останавливались офицеры, не привыкшие делить кров с вверенными им войсками, ну и, наверное, члены их семей. Еще возможно, миссионеры, ведь именно с них начинались все колониальные войны Европы – что в Азии, что в Африке.

Грузовик остановился, нас быстро спустили наземь. Словоохотливый фельдфебель, по сигналу старшего конвоира, умчался в здание и тут же вернулся с дородным, лощеным полковником, застегивавшего пуговицу на воротнике. Он недовольно глянул на диверсантов, один из которых спас его солдат, и покачав головой, обернулся к адъютанту:

– Что за вид? Немедленно привести в порядок, выдать одежду из запасов и накормить, – и уже нам: – Генерал-майор отбыл на крейсер, будет к полудню. До того времени вам следует ожидать товарища Чжана и его дальнейших распоряжений. Товарищ Хан, – обратился он к Елене: – Ну что же вы стоите, прошу вас, проходите в комнаты. Мы сейчас приготовим для вас небольшой завтрак. Вы говорили о новых сведениях, которые хотели бы передать товарищу генерал-майору, он с охотой выслушает вас. Очень надеюсь, что это не прежние сообщения о денисовцах или предупреждения, которыми вы пытались остановить наши исследования.

Елена, немало ошеломленная столь дружеской встречей – особенно, если вспоминать, где ее держали последние недели – озираясь по сторонам, прошла вслед за полковником. Фельдфебели отправились следом. Нас пригласили так же, но черным ходом и сперва в подвал, на склад, где адъютант с ходу прикидывая размеры, выдавал нам форму морских сил, немного застиранную, частью протертую, а потому, верно, отправленную в архив. После чего, нас развели по номерам, меня разместили вместе с Артеком, и только тогда срезали одноразовые наручники, дав возможность одеться. На двери явственно щелкнул замок, видимо, здесь, на первом этаже, находились несколько номеров для... хотя нет, эти комнатки изначально задумывались как складские помещения. Маленькое оконце, через которое уж точно не пролезешь, и тяжелая дверь мореного дуба, сохранившаяся с времен колонизации. Вместо кроватей – полки, с которых убрали лишнее, кинув поверх синтетические матрасы.

На прощание адъютант сообщил, что у нас есть время отдохнуть и привести себя в порядок перед прибытием генерал-майора. Желающие позавтракать могут позвать конвойных.

– Странная любезность, – пробормотал я, снимая рубашку и кладя ее под голову. Артек пожал плечами, делая ровно тоже.

– Не думаю. Полагаю, это сродни последнего ужина.

– Не понял?

– А что тут понимать. После уничтожения стражей, кому-то надо будет лезть в капсулу. Оба помолчали какое-то время. Я не выдержал.

– Как ты думаешь, что там?

Артек пожал плечами. Долго смотрел в потолок, прежде чем ответить.

– В любом случае, сокровища. Для нас, дикарей, все сокровище, пусть это будет даже пустой сосуд.

И отвернулся к стене. Через пять минут он спал.

Генерал-майор прибыл хорошо заплотен. Мы поспали, позавтракали, прав Артек, кормили, действительно, как смертников, на убой. После хотели вернуть обратно в камеры, но тут прибыл начальник острова, нас оставили в кухне под присмотром четырех старших сержантов. Вояк самого низкого звания, какое я увидел на Лонгдонге. Зато с пистолетами-пулеметами наизготовку – против четверки прикованных стальными наручниками к тяжеленному разделочному столу.

Товарищ Чжан заглянул в кухню, увидев нас, кивнул довольно. Вместе с ним следовал полковник, его адъютант и почему-то Елена.

– Правильно сделали, что привели в приличный вид, – одобрил наше новое одеяние начальник штаба, – Верная инициатива, товарищ Сюэ, одобряю. – Сквозь стекло было видно, как расцвел полковник. И так красный лицом, видно, от полнокровия, сейчас он буквально пошел пятнами. Генерал-майор снова кивнул и отвернувшись от входа в кухню, наткнулся на Елену, видимо, до этого она столь аккуратно подбиралась к своему руководителю, что тот только сейчас заметил археолога.

– Товарищ Хан? Вот уж не ожидал вас здесь увидеть. Вы же должны быть в переговорной, – Елена зашептала что-то ему в ухо, буквально встав на цыпочки. Немаленькая ростом, она доходила дородному, мощному офицеру едва до плеча. Роста у Чжана было в избытке, под сто девяносто. Да и стать такая, будто аршин проглотил. Верно, с детских лет в армии, дожил в ней до седины, а разлучаться и по сей день не намерен. Хотя ему хорошо за пятьдесят. Наверное, пятьдесят шесть – пятьдесят семь, то есть, он немногим старше собеседницы. Но с другой стороны, Чжану только в этом году присвоили новое звание...

Неожиданно он отпрянул от женщины, резко покачал головой.

– Я же сказал, прекратите говорить о денисовцах. Я думал, вы хоть о храме что-то скажете путное. Вас же именно на него перебросили, еще до прибытия господина Бурхарда. А вы...

– Я не понимаю вас, товарищ генерал-майор. Ведь исследования именно денисовского человека вывели нас...

– Знаете, вы так говорите, будто это денисовский человек все учудил – и стражей, и храм. Ну да, капсулу, как скажете, точно есть разница. Будто эта махина его рук дело. Да денисовец это ж обезьяна мелкая, тупая, безволосая, она, она ж ничего, кроме, как размножаться, не умела. И то плохо размножалась, раз повсеместно вымерла. Вот неандертальцы, крома-ньонцы те же, – он так говорил о видах Хомо, словно, вовсе к ним не принадлежал. – Они да, хоть что-то после себя оставили. Я молчу про рисунки, рисовать ладони и макака может, если в дерьмо вляпается, уж простите мои военные термины, – он не то хмыкнул, не то хохотнул. – Ваши денисовцы, вы сами постоянно говорите о них так, словно от нежелания связываться. Все больше этих: «наверное, может быть, скорее всего». Вероятности меня меньше всего интересуют. Что вы, кроме скелетов, в пещерах Лонгдонга нашли? Да ничего почти. Ни камней, ни украшений, ни, самое главное, хоть каких заваливающих орудий труда. Кострища и те, не факт, что их. Может поздние наслоения, вы мне сами это говорили. А что, очень приятно нам всем, от таких вот безмозглых макаков род производить? Да и как, позвольте узнать, если все повымерли, а...

– Подождите, товарищ Чжан, но денисовцы оставили после себя следы. Я говорила о найденных бамбуковых...

– Которые не то их, не то неандертальцев. Детский лепет, вот честное слово. Отец ваш, простите, что напоминаю, все рассказывал обиняками, вы у него будто научились. Можете хоть что-то наверняка сказать, без «доли вероятности».

– Сейчас и скажу. Товарищ генерал-майор, здесь, на юге Китая иных орудий вы не найдете. И не потому, что денисовцы, как вы говорите, тупые макаки, вовсе нет. Напротив.

– Умные макаки? – он хмыкнул.

– Тут мало доломита, кремня, только известняк, хорошие орудия труда из него не сделаешь. А копья, скребки, ножи и все прочее, что нужно племени, делается из бамбука. Он легче, удобней, проще в обработке и да, он одноразовый, потерял нож, тут же сделал себе новый.

Генерал хлопнул ладонями по бедрам.

– Просто как выдра.

– Они не хранили орудия труда, ибо умели в любой момент создать, обжечь, выделывать такие же. Они передавали знания по наследству, из поколения в поколение. Учили друг друга. Так все поступали тогда, что денисовцы, что сапиенсы.

– Вот только одни почему-то остались, а другие исчезли. И потом, Елена, я сказал, не держите меня денисовцами, вот они где все у меня, – жеста я не видел, но ясно его представил. – Честно, просто противно слышать о таких предках великой китайской нации. Право, прежняя версия с Хомо эректус и то приличней выходила. А тут... , все хватит, слов уже нет. Лучше объясните, что вы по поводу капсулы хотели сказать. Но без ваших предостережений.

– Я как раз о предостережениях с вами и хотела переговорить. Если уж капсула столь хорошо защищена снаружи, – «это мы еще посмотрим», – буркнул Чжан, – Так вот, если капсула имеет столь надежных стражей снаружи, неужели вы думаете, у нее не сыщется секретов внутри?

– Даже не сомневаюсь в этом. Потому внутрь пойдут не мои люди, а те которые пытались вас спасти.

Артек хмыкнул и пихнул меня под столом, мол, что я говорил. Шут покачал головой. Пророк впился взглядом в Чжана. Елена молчала, все разом поняв, она не могла подобрать слов, чтоб возразить, ответить хоть что-то. Стояла и, будто закаменев, смотрела на собеседника.

– Кстати, они говорили вам, зачем уводят? – она даже не покачала головой. Просто смотрела. – Ладно, сам узнаю. Если будет время.

Хлопнув ладонью по двери, генерал-майор вошел внутрь. Мы одновременно вздрогнули, подняв головы. Пророк попытался подняться, да наручники не пустили. Чжан повернулся к караулу:

– Освободите их. Полагаю, слова чести будет достаточно, чтоб я убедился, что вы не нападете на меня или не сбежите?

– Вы у наемников просите слова чести, товарищ генерал-майор? – усмехнулся Шут. Чжан дернул щекой.

– Мне сказали, ты среди всех старший, – его палец уперся в Пророка. Тот наконец-то поднялся и кивнул в ответ. – Очень хорошо. Тебе, как старшему и задание соответственное. Выбери среди своих людей двух, которые первыми войдут в капсулу пришельцев. Не смотри на меня так, ты знаешь, о чем я.

– Разумеется, знаю, – ответил Пророк, закашлявшись, голос его сел от напряжения. – Когда мне дать ответ?

– Через полчаса. Сейчас к Лонгдонгу подошел крейсер и четыре эсминца, на случай эксцессов. Как только их ракеты уничтожат стражей, я дам вам знать. А ты, к тому времени, должен сообщить мне свое решение.

Пророк кивнул. И тут же спросил:

– Что вы хотите найти в капсуле?

– Все, что там есть. Абсолютно все, что не прибито, не приварено, все, что можно вынести. В этом плане будьте поосторожней. Оружия я вам не выдам, но костюмы верну, в них и пойдете, – кажется, генерал-майор уже понял, кто именно войдет в состав группы смерти. – Насколько надежен ваш наряд? Выдерживает ли низкие температуры?

Майор пожал плечами, хмыкнув.

– Не такие, которыми охлаждают стражи.

– Значит, будьте еще осторожней. Я вам дам камеры, будете записывать все, что происходит внутри. К сожалению, о том, что там, мы имеем пока весьма скверное представление. Бурхард облучил капсулу, и вот что из этого вышло. Кстати, почему я до сих пор не выслушал доклад материаловеда о причинах пробуждения второго стража?

На этот раз он обратился в сторону выхода и куда громче обычного. Полковник Сюэ, войдя в кухню, жестом подозвал руководителя к дверям. Зашептал на ухо с каким-то неприятным присвистом.

– То есть как, умер? Когда? – обычным голосом спросил Чжан.

– Сразу после пробуждения стража, – продолжил шептать полковник, но уже громче. – Я вам хотел доложить, но вы так быстро отправились на крейсер. Простите, товарищ генерал-майор, мне показалось, вы в курсе его гибели. Вероятно, надо известить штаб..

Чжан с минуту дергал щекой, потом повернулся к нам. Полковнику пришлось буквально обежать руководителя, чтобы снова оказаться у него на виду.

– Вот всем вам подумать еще раз и сделать правильный вывод. Как я понял, он был изрезан? – спросил у полковника. Сюэ кивнул торопливо.

– Как и все, находившиеся в тот момент возле храма, товарищ...

– Да называйте его нормально, к чему эта дешевая секретность. Мы уже сейчас получили оружие, о котором не могли и помыслить. Я даже представить не могу, что нам откроется, когда кто-то из этих, – кивок в нашу сторону, – окажется внутри. Наша родина никогда не была еще так сильна, как сейчас. Через десять лет, а может и куда раньше, когда ученые разберутся, как применять хотя бы те ледяные пушки стражей, их двигатели, благодаря которым они парят в небе, точно драконы из сказок, мы станем поистине величайшей нацией. Даже если и произошли от макак-денисовцев, как говорит товарищ Хан.

Он помолчал, переводя взгляд с нас на полковника и обратно. Сюэ что-то снова зашептал, Чжан кивнул в ответ.

– Да, распорядитесь выдать вдове все необходимое. Возьмите с нее слово молчать, хотя... нет, не обязательно. Она свободна покинуть страну в любое время. И да, гром с телом будет готов в ближайшие сутки. Военным самолетом в любую точку мира. А я похлопочу перед штабом о присовении Бурхарду медали...

Полковник снова зашептал. На что Чжан только плечами пожал, мол, раз не в медали дело, то и все намного проще.

– Мы можем взглянуть на снимки, полученные Бурхардом? – прерывая полковника, спросил Артек. – Нам же надо подготовиться к входу, тем из нас, кто войдет.

– Думаю, пойдут все, но со временем. А может и нет, посмотрим. Но да, ты прав. Товарищ Сюэ, распорядитесь, чтоб диверсантам выдали распечатки лучшего качества. Ничего не жалейте, они ведь идут на смерть ради нашего отечества.

Вот странно, но его пафос не был ни напускным, ни истерическим. Чжан говорил спокойно, размеренно, как человек, столь глубоко верящий в свои слова, что они не звучали диссонансом ни с другими его словами, ни даже с нашими издевками по тому же поводу, высказанными, скажем, еще вчерашним вечером. Его вид, его уверенность, его спокойствие, буквально подавляло. И да, ему хотелось верить. Как ни покажется это странным. Даже нам, прожженным циникам и нигилистам.

А может, дело не в этой его уверенности, а в другой. В том, что именно он в эти минуты подписал наши жизни?

Адъютант бросил на кухонный стол пачку распечаток и скрылся. Стражники тоже вышли, в самом деле, куда мы, прикованные, денемся.

Некоторое время мы разглядывали распечатки, полученные при сканировании капсулы. Честно признать, не впечатляли. Внутри ничего, что могло бы заинтриговать, ничего такого инопланетного – ни невероятных устройств, ни сложных агрегатов, хотя картинка получилась довольно четкая. Несколько столбов, совершенно неясного предназначения и на вершине одного из них, вернее, над вершиной, – то самое семя, о котором говорила Елена. Небольшой правильный эллипс, непроницаемый для земной техники. Возможно, то, ради чего так положились стражи всякий раз, когда покой капсулы пытались нарушить. Но что это за вещь или прибор? А может, капсула, и в самом деле, храм, а это какая-то частица высшей инопланетной силы? Хотя почему тогда к ней за три с половиной тысячи... а может, и появлялись здесь паломники. Ведь почему мы знаем, раз в сколько лет надлежит бывать в этих местах, причащаться этой святыней?

Хотя глупость. Скорее уж, нечто техническое. Может, действительно семя новой жизни, не то оставленное про запас, не то заброшенное за ненадобностью, ведь что мы знаем об оставших его здесь? Только то, что их стражи достаточно вежливы, чтоб не нападать первыми. Ну и сейчас вот, если не начнут действовать иначе, будут уничтожены. Чжан видимо, уже готовит решающее наступление. А они, кажется, не будут возражать против своего уничтожения. Верят, что капсула сможет сама себя защитить?

Сколько же вопросов. И ни одного ответа.

Я взял у Шута последние распечатки из стопки. Нет, ничего особенного, разве что небольшие емкости по бокам, ах, да Елена говорила о стражах, так вот, оказывается как. Я не понял, подумал, они крепились снаружи. Нет, конечно, изнутри. Выбирались через вход и начинали кровавую свою работу. Для чего интересно им еще и резать, если они и так могут уничтожить все живое – одной волной холода. Впечатление произвести, жуть нагнать? Или это тоже из разряда их механических принципов – не нападать первыми, но если напали, то кромсать так...

И все же, для чего капсула? На ней – ни внутри, ни снаружи – нет рисунков, которые я так рассчитывал увидеть, да, каких-то знаков, символов, образов. Даже швов, и то не видно. Нет, не швов, но хоть чего-то, что помогло бы ориентироваться внутри. Разве что по этим столбам, небрежно расставленным вокруг центра. Проход и тот не определялся излучателем, как же он открывается?

Пророк кашлянул, мы немедленно обратились к нему. Он аккуратно сложил распечатки в стопку, постучал ладонью сверху, сбивая их в ровный прямоугольник. И только затем, благодаря мысленно адъютанта, как и все мы, так вовремя подарившего нам время на пустые рассуждения, произнес неспешно:

– С одной кандидатурой в смертники я решил. Я вас сюда затащил, мне и ответ держать. А что касается другой, есть несколько вариантов...

– Я пойду с тобой, – но Пророк покачал головой, осаживая мой пыл. – А что, если смотреть на все параметры, то я и по себе одиночка и в группу попал всего ничего...

– Группы больше нет, Скакун, забудь. Надо сохранить то, что осталось.

– Пойду я, – коротко сказал, как отрезал Шут. – и без дурацкого «выбора Софи», на который все, я смотрю, нацелились. Спички тоже тянуть не будем, нам их не надут. А я и самый возрастной и, после вас, командир, ну и мне действительно надо.

Помолчали. Кажется, Артек вздохнул несколько раз, видимо, все решался что-то сказать, но не смог. Молчанием группа разделилась на две равные половины – по численности, но не по значимости.

– Надо звать адъютанта, – негромко произнес Артек, решившись нарушить молчание. Пророк кивнул. Но дверь распахнулась сама.

Елена. Вот уж кого не ожидали увидеть. Она оглянулась на охрану, и коротко произнесла:

– Вы уже договорились между собой? Я сейчас пойду к товарищу Чжану и попытаюсь убедить его...

– Елена, вот уж незачем вам такие хлопоты, – изрек наш командир. – Еще раз влипать ни к чему, а нам теперь действительно, все одно – задание мы провалили, а ничего другого в подобном случае и не ждут.

– Вы за мной полезли, мне тоже надо ответ держать. Тем более, у меня есть подозрение, что даже в случае уничтожения всех стражей...

– Да оставьте, – встрял Шут. – Пророк прав, не вы причина плена. Стечение обстоятельств. Появись мы на сутки раньше или позже... вот тогда другое дело.

– Сутками позже вы бы не появились. Разве что, в другом составе или при поддержке авиации.

– Вы правы, Елена. Может, появились бы, когда все устаканилось. Но сейчас все и так устаканится...

– Я пойду к генерал-майору. Подождите сообщать.

– Он еще здесь? – спросил я.

– Он и не покинет штаб. Все командование прибывшими силами исходит отсюда. Подождите, я быстро.

И исчезла. Впрочем, ждали мы действительно недолго, вместо Елены прибыл адъютант, узнал наше решение и попросил Пророка и Шута следовать за ним. Именно попросил, их тотчас же отстегнули от многопудового стола и увели. Будто сменяя своего помощника, появился полковник Сюэ.

– Следуйте за мной. Генерал-майор хочет вас видеть.

Мы с Артеком переглянулись, но двинулись следом. Нам едва успели защелкнуть за спиной наручники.

В кои-то веки удалось разглядеть интерьеры гостиницы. Очевидно, с времен основателя, она претерпела немало изменений, но больше косметических. Второй этаж, где селился высший командный состав, в отличие от первого, встретил нас обоями – ниже была только бежевая краска, местами облупившаяся – недорогими шпалерами, сделанными под шелкографию старинных китайских образчиков и конечно, портретами великого кормчего, как в коридоре, так и в кабинете самого Чжана. Тут Мао предстал вместе с нынешним председателем Всекитайского собрания. Портрет основателя, выполненный резкими мазками, нарочито грубо, как бы давал понять, что дух основателя КНР не исчез, напротив, только укрепился за последние лет двадцать, и что именно он довлеет в мыслях и нынешнего руководства страны и конечно, штаба командования этого крохотного отвоёванного островка. Мао предстал и в цитатах, развешанных вдоль коридора. Куда ж без этого.

В остальном, гостиница местье Сарду оставалась прежней. Дорогие номера второго этажа, по несколько комнат каждая, резко контрастировали с убранством и планировкой номеров этажа первого. Более чем очевидно, что именно здесь жили семьи командования французских колониальных войск, внизу же находились либо комнаты слуг, либо адъютантов, помощников, посыльных и всех прочих, кто всегда должен быть под рукой.

Несмотря на аскетичность обстановки кабинета генерал-майора, дорогие шторы и изящные тумбочки, столики-табльдоты и все прочее, что досталось Чжану и его подчиненным, и что не было уничтожено временем и древооточцами, оставалось на своих местах. Краем

глаза я заметил, что через комнату, находилась генеральская спальня – пусть и современная, но полуторная кровать, аккуратно заправлена и застелена шелковым покрывалом с цветами и листьями. Еще одна шпалера висела в головах.

Мгновением позже, я сделал еще один шаг, видение исчезло.

Генерал-майор Чжан, усталый, но довольный, глядел на нас, сидя за столом, уставленным мониторами. Основным, метра полтора диагональю и четырьмя дополнительными, в полметра каждый, установленных по бокам и друг на друге. Находились они спиной к нам, но судя по всему, показывали нечто действительно важное. Чжан еле смог оторваться от центрального и перевести взгляд на вошедших.

– Вовремя прибыли. Наши войска добивают последнего стража. Через пару минут вы сможете наблюдать, как ваши товарищи попадут в историю.

– Мы уже туда попали, – буркнул Артек. Генерал-майор, не поняв шутки, бросил неприязненный взгляд на говорящего, но дернув щекой, продолжил.

– Трудно представить, что этим технологиям уже невесть столько тысячелетий. Для нас это поистине сокровище, подаренное цивилизацией, возможно, канувшей в небытие. Как это вы называете, в Лету. Но насколько же она еще тогда опередила нас, – он резко дернул рукой. – Да пусть даже она развивалась небыстро, как те же неандертальцы, которые за триста тысяч лет так и не смогли придумать ничего, мощнее копья с каменным наконечником, пусть так. Но сколь же сильна она была.

– Простите, товарищ генерал-майор, почему вы говорите о пришельцах в прошлом роде?

– Потому... как тебя... Артек... потому, что за эти тысячелетия они так и не соизволили прибыть за чем-то, для себя очень важным. Возможно, капсула была потеряна, может в ходе войны, бегства, переселения. Может, еще по какой причине, в любом случае, ее не хватились, ее просто бросили здесь и больше не приходили. Если б пришли, товарищ Хан точно б заметила следы – она утверждала с уверенностью, вот ведь, единственное, что она сумела с уверенностью сказать о капсуле – что покой храма за три с половиной тысячи лет никто не потревожил. Мы первые.

– Может, за ненадобностью. Скажем, взяли, все, что надо, а остальное выбросили.

– А стражи? Почему они активировались, причем, дважды, – дискуссия Чжану стала явно небезынтересна. Артек пожал плечами.

– Я полагал ее важным для пришельцев местом. Возможно, это действительно храм или молельня. Мы не можем знать, кому или чему...

– Столь развитая цивилизация не будет поклоняться богам или мощам, – отрезал Чжан. – Если считать это памятником, то нет смысла в стражах. Да и если памятник, он установлен кому-то, а значит, семья его, род и все прочие, должны были прибывать хотя б раз в век, хотя бы вообще раз... Все, последний готов. Полковник, запускайте наших гостей внутрь.

– Вы убили стражей? – как-то безлико изрек я.

– Именно. Это оказалось, не так и сложно. Наши потери всего трое. Не совсем хорошо, конечно, так говорить, но против двадцати девяти убитых на первом страже... я могу сказать это достижение. Все. Что мы делаем, достижение, – Чжан помолчал, после изрек спокойней: – Да, вы можете взглянуть, как проходит операция. Подойдите, я перенастрою монитор... Вот, готово, – он повернул один из экранов в нашу сторону. Сейчас он был разделен на две половины. Вид сбоку на темный эллипс, величаво возвышающийся на фоне серой скалы и ярко-голубого, будто специально вычищенного к операции, неба. К нему подходят две темные точки, в окружении нескольких зеленых и какого-то странного устройства, наподобие музейной мортiry, но только покрытой множеством проводов и датчиков. Вторая половина экрана пока чернела пустотой.

– Монитор сенсорный, вы можете удалять или приближать изображение, – сообщил Чжан. Потом спохватился, – Вы же в наручниках. Значит, не сможете.

Свидетели его триумфа, не из числа соратников, ему были просто жизненно необходимы. Наше присутствие давало ему внутренний стимул к новым свершениям. Новым прозрениям.

– Да и пусть товарищ Хан права, неважно, – это я вот как раз про его новый монолог. – Пусть мы произошли от денисовцев, ковыряющихся в дерьме и им рисующим, как мартышки. Плевать, кем мы были. Куда важнее, кем мы сумели стать. Страна, вечно на побегушках у Европы, еще с времен... да с Древнего Рима. Мы торговали, платили дань, изобретали, отдавали изобретенное, снова торговали, и этим только связывали себя, задерживали свое развитие. Только двадцатый век позволил нам заглянуть за пределы собственного мирка. Фактически, лишь великий кормчий дал нам возможность понять, почувствовать, кто мы, на самом деле. Вершители собственных судеб, не рабы великих держав, но равные им. Не придаток империй, как при том же товарище Дэне, но самостоятельное, мощное, влиятельное государство. Сами до этого дошли, сами таковыми стали. И еще больше возвысимся, не потому, что стали сильны через подарки пришельцев, это ладно. Потому что поверили в себя и в кои-то веки поняли, на что способны.

– На Филиппины? – спросил Артек.

– Будто неизвестно, что это была за страна до нашего прихода, – Чжан не к Артеку обращался, но через него, к аудитории, заключающей в себе его мир. – Прогнившая власть, устроившая охоту за неугодными, объявляя их эдакими недочеловеками, убить которых благо, карма очистится. Бойцы НОАК пришли, чтоб освободить народ из-под гнета тирана, высвободить наших людей, попавших в плен. Разве НОАК не встречали как освободителей? Вы оба должны помнить эти кадры.

Он сам запутался, какой версии надлежит придерживаться. Не то спасения поработенного народа, не то гуманизма, неведомого прежде китайской нации, даже, в отношении своих.

– Я помню. Как и то, что вы два месяца брали столицу, – Чжан недовольно нахмурился, но ответил.

– А что поделать, если власть не хотела идти на переговоры, уступать законным требованиям? Нет, мы верно поступили. И не сделали ничего лишнего. Через пять лет, как и было обещано, наши бойцы уйдут с Филиппин.

– Оставив там базу.

– Это соглашение, на котором настаивали... Я не понимаю. Когда тоже самое делали США, вы почему-то не возмущались...

– Мы солдаты, нам не положено. Но народ, да возмущался, – Чжан, вздохнув, глянул на Артека.

– Не больно-то охотно, как я помню. Вы будто до сих пор с придыханием смотрите на агонию бывшей сверхдержавы. Будто она для вас что-то еще значит. А не мы, ее победители. Ведь кто верил, – заражаясь от самого себя, продолжил генерал-майор, – кто мог представить еще в конце десятых, что Китай, поднявшись до уровня Штатов, сможет сменить их на посту лидера? Кто мог представить, что их Тихоокеанский флот ляжет за полдня под ударами наших войск в битве за Тайвань? Кто вообще мог предположить, что такая великая страна, да еще возглавляющая коалицию держав, вдруг позорно бежит с поля боя, зализывать раны. Только мы – в то время. Мы верили в себя, мы боролись за себя и мы победили. Теперь весь мир смотрит на нас, – он кивнул себе. – Смотрит и учится у нового лидера новым, давно забытым вещам. Приезжает, дивится...

– Ничему он не учится. Никто не приезжает.

– У нас туристов в одном Пекине пять миллионов в год, – зачем-то стал возражать генерал-майор.

– А сколько из них внутренние? Все одно, до Парижа или Рима вам как до Луны. Европа, как бы вы ни противились самой мысли о ее доминанте, по-прежнему в умах цивилизации, именно как центр притяжения. Неважно, каковы ее дела сейчас, от этого ничего не поменялось.

Вы просто попытались силой взять то, что вам никогда не принадлежало, сыграть в благодетеля, как слон в посудной лавке, навязать свои ценности. А они только ваши, ничьи больше. Вы ведь сами по себе, вы же, не как прочий мир, произошли не то от денисовцев, не то от Хомо эректуса...

– Хватит! – наконец, не выдержал Чжан. – Вы меры не знаете. К вам по-доброму, вы начинаете наглеть, по справедливости – верещите об угнетении. Сами не понимаете, чего хотите. Заигрались в собственное понимание свобод и равенств. Ничего не поняли и ничему не научились. Да у нас собственная шкала ценностей, и хочет того мир или нет, но она сейчас для него доминанта. Мы ее строили две тысячи лет, мы существуем еще дольше, это ли не гарантия истинности... Нет, ничего не говори, слушать тебя не хочу. Дурной разговор, не имеющий смысла. Будешь спорить только из желания противоречить. Все вы такие, – и к стражникам: – Спустите господ вниз, им надо подготовиться к входу в храм.

Нас вытолкали. Последнее, что я успел увидеть на мониторе генерал-майора – как Пророк и Шут входят в образовавшееся отверстие в цельной стене капсулы, нависшей над ними, ровно скала. Да так оно и было. Обломок скалы, идеально выточенный временем и неведомыми строителями. Памятник неизвестным зодчим, его создавшим, он даже при ярком освещении походил на темный гранитный обелиск, поставленный в память о далеких, таких же неуютных, мрачных веках. Когда люди еще прятались от зверей по пещерам, а там, в краткие минуты между сном и охотой, пытались как-то выразить себя, оставляя отпечатки ладоней на стенах. Оставить после себя нечто большее, чем они есть, некую самодостаточную память, которая, и через поколения, могла бы рассказать хоть что-то о создателе.

«А другие люди на другом конце земли уже закончили строительство пирамид, оставив их на плато Гиза, и поднявшись выше по Нилу, приступили к созданию величественных усыпальниц», – немедленно напомнил разум. Может, генерал-майор отчасти прав, говоря, что китайцы так долго запрягали, что теперь им просто необходимо спешить со своими притязаниями, со своей доктриной, своей системой ценностей, вперивая ее всем и каждому и пытаюсь хоть сейчас доказать если не значимость ее для других, то уж для себя точно. Ведь, они смели США, разгромили и экономически и в прямом столкновении, встали на их место, стали новым центром силы на ближайшие десятки лет, быть может. Какое-то время могут и покуражиться.

Мысль глупая, но покоя она мне не давала. Все время, пока Артек, пытался убедить Чжана с неправоте, я глядел в монитор. Электромагнитный излучатель, как пояснил генерал-майор суть устройства, долго работал, прежде чем открыть дверь. Китайцы перехватили сигналы, которыми обменивались стражи и капсула, это не так и сложно на острове, напичканном электроникой, установили диапазон, и теперь подбирали коды для открытия входа. Ведь стражи открывали ее не останавливаясь, одним коротким импульсом. Выбрав несколько десятков похожих, техники начали обстрел капсулы. Наконец, случилось то, что и должно было. Цельная оболочка обнажила круглый проход, разойдясь в стороны. Что-то волшебное было в этом преображении. Пророк и Шут нерешительно потоптавшись у входа, наконец, зашли внутрь. В безопасности этого шага их убедила Елена, находившаяся все это время у ЭМИ, но не различимая до тех пор, покуда не заработала камера, расположенная на шлеме Шута. А я еще хотел спросить Чжана, куда подевалась археолог.

Елена долго объясняла что-то Шуту, слова ее, искаженные помехами, шли только в наушники генерал-майора, морщившегося и пытавшегося подстроить конденсатор для лучшего приема разговора. Словно капсула находилась на другой стороне земли. Мне лишь доставалось угадывать, о чем сейчас идет диалог по пisku и шуму из наушников.

Наконец, Елена отступила, камера дернулась. Проход стал виден, еще какие-то слова, верно, напутствия. И только тут я узрел то, что прежде мне показывали пунктирными линиями и точками распечатки. Странная зала, занимавшая весь эллипс капсулы, пять разновеликих возвышений, похожих на колонны, или стелы, но только гладких, без рисунков, без надписей.

Голый металл, наверное, металл, и плоское четырехугольное навершие, чуть шире самого возвышения, кажется, круглого, в темноте не разберешь. А над колоннами парило то самое семя, едва заметно поблескивавшее в свете фонарей.

Шут огляделся, глядя даже себе под ноги. Верно, его Елена попросила. Но снова ни надписи, ни углубления, ничего. Все ровное, голое, равнодушное. Действительно, неземное. Не отражающее света, вот что странно, только рассеивавшее луч карманного фонаря по сторонам. Как и сама капсула, даже в самый ясный день остававшаяся пепельно-серой на фоне окрестных скал, цвета унылой пожухлой сепии.

В этот момент нас погнали вниз. Я шагал медленно, все размышляя о том, что видел, что, быть может, увижу через недолгое время. Когда генерал-майор распорядится загнать в капсулу, странно, что дверь в ней не закрывается, еще двоих. Может, с какими-то приборами, для полного ее изучения, может, просто так. Когда жизнь первых прервется.

– Двигай! – меня подтолкнули, я спустился на первый этаж.

Артека быстро облачили в костюм, с моим же снова вышла заминка – режим маскировки захандрил окончательно и перезагружал систему. Техник пытался его отключить, как это ранее сделал на костюме Артека, но пока тщетно. Интересно, подумалось мне, программное обеспечение они, верно, стырили еще в годы разработки костюма, неудивительно, что так легко обращаются с ним. А вот с заглочившим аппаратом приходилось повозиться.

– Все, наладил. Но шлем лучше не закрывать, режимы работы собьются, – сказал техник, подавая мне костюм. В соседней комнате зашумели. Все подняли головы, включая Артека, отвлекшись от занятий, подошли к открытой двери. Там, в комнате слежения за объектами острова, один из мониторов так же был подключен к трансляции с камеры на шлеме Шута. Сейчас он показывал первые шаги людей. Шут поднял голову, внимательно вглядываясь в колонны, до которых оставалось всего ничего. Пустые, гладкие, словно случайно оказавшиеся в капсуле, они почему-то напомнили мне сперва стайку металлических грибов – все разного роста, – а потом... Две группы, две повыше и чуть темнее и три пониже, чуть светлее, расположенные как бы полукругом. Над самым высоким – семя. Как символ.

– Остановите их. Прикажите вернуться, – от моего крика все вздрогнули. – Слышите, что стали, немедленно скажите Чжану, чтоб вернул назад. Им нельзя, они сейчас...

Ко мне подошел адъютант с пистолетом.

– Заткнитесь, пожалуйста. И влезайте в костюм. Вы пойдете следом.

Никто не понял, даже я сам, что произошло через миг. Просто картинка переменялась. Просто вырвал из рук адъютанта его оружие, стукнул им в челюсть обладателю, двум фельдфебелям, ногой отпихнул техника и с диким криком взлетел по лестнице. Кажется, на ней кто-то был, не знавший, не то посторониться, не то преградить путь, ах, да полковник Сюэ. В последний момент я просто оттолкнул его и ворвался в кабинет. Чжан вскочил с кресла, меня ударили в спину чем-то тяжелым. На миг померк свет, но тут же восстановился. Странно, будто я оказался в костюме, столь легко выдержал удар прикладом.

– Товарищ генерал, – некогда выговаривать звание, пусть будет в повышенном. – Немедля отзовите наших людей. Им, всем, угрожает опасность.

– Вяжите его, – холодно приказал Чжан. И уже ко мне: – Не хотите идти так, запихнем силой.

– Стойте! – заорал я, только тут сообразив, что, даже лежа, размахивая пистолетом. Отбросил его. – Подождите! Я только сейчас понял, что это. Не храм, не памятник. Это склеп.

– Что-о? – протянул руководитель. – Что ты несешь?

– Сами подумайте, товарищ... Нет, оставьте, я лежу, лежу. Зачем стражи, зачем пустота и темнота. Почему ничего внутри, но есть охрана. Только одно – это память о погибших –

здесь ли, на орбите, неважно. Их похоронили и оставили тут. Сбросили сюда, как в могилу. Но ведь осквернение могил это всегда преступление. Подумайте.

– Может, у них такого понятия даже нет.

– Стражи нападали, только понимая опасность для капсулы, не для себя. И потом эти пять столбов. Их пятеро в склепе. Может, семья, может, командиры и сослуживцы, военные разного звания, может, разной веры, расы, пола... В любом случае, это склеп. Отзовите наших людей, пока семя. Это последняя защита.

– Семя раскрылось, – сказал кто-то сзади. Монитор по-прежнему стоял лицом ко мне, я с трудом поднял голову, еще бы, когда на спине сидит солдат. – Второй коснулся колонны и оно... диверсант, наверное, прав.

– Молчать! – рявкнул Чжан. – Дерзить удумали! – но тут же: – На раскопе – всем немедленно отойти от капсулы. Пулеметчики на изготовку! Всем полная готовность. Стрелять без предупреждения.

Чжан ошибся. Семя не раскрылось, оно развернулось, образовав некое подобие, даже трудно сказать, чего – змеи, червя. Скорее, дракона, серебристого, переливающегося всеми цветами холода, от белого до фиолетового. Он мгновенно вознесся в самую высь капсулы и тут же обрушился на головы вошедших. Камера Шута перестала работать. Другая, обзорная, показывала, как дракон вылетел из капсулы, вмиг сокрушив ЭМИ и всех, кто не успел отбежать от него подальше. Взмыл до небес.

– Дракон, смотрите, дракон поднимается. – я еще подумал, какая же ирония. Последний страж оказался копией того существа, в честь которого назвали остров. А теперь его прогнали, и судя по всему, окончательно. Пророк, зачем же ты так...

По дракону начали палить из всего, что находилось окрест. Не знаю, смогли ли хотя бы попасть. Пулеметы, автоматы, гранатометы, даже несколько ракет устремились в его сторону. Верткий, юркий, он едва ли обратил внимание на приближение дымных шлейфов. Лишь переместился с траектории. А после...

Не могу сказать, что произошло. Вернее, только опосредовано. Какая-то вспышка, не то на экране, не то в реальности. После которой мониторы немедля отключились, передатчики замерли. А слушавший через наушники переговоры Чжан, скорчившись, рухнул на пол. Из ушей генерал-майора потекла кровь.

Все, находившиеся в комнате, немедля бросились на помощь руководителю. Я тотчас подхватился, выскочил из кабинета и бросился вниз.

Артек, уже полностью упакованный в костюм, лежал посреди импровизированной гардеробной, пустой комнаты без окон, в которой нас облачали в высокотехнологичные скафандры. Подле столпились солдаты. Кто-то кликнул доктора. А через миг в кухне грянул взрыв.

Я подбежал к Артеку, попытался стащить шлем. Удалось только открыть стекло. Белое, недвижимое лицо, заострившийся нос, из которого текла тонкая струйка быстро чернеющей крови. Пальцы, как долго ни скользили по шее, никак не могли нащупать пульс. Крови совсем немного, она сквозила и из ушей, скапливаясь на дне шлема махонькой лужицей.

– Артек, ну что же ты так. Артек...

Еще взрыв, здание содрогнулось. Я медленно поднялся, огляделся, будто приходя в себя. Мимо пробежали солдаты, кто спасался бегством, кто хватался за огнетушители. Еще один взрыв едва не сбил меня с ног, послышался громкий треск и шум обрушения. Кажется, начала обваливаться кладка. Что же произошло, нет, понятно, что устроил дракон, но что с домом? Впрочем, некогда, все некогда. Надо найти Елену и бежать с острова. Пока не поздно.

Я выскочил наружу. На меня никто не обращал внимания. Солдаты суетились вокруг здания, кто-то хватал вещи, кто-то бросал их. Странно, но многие, большинство суетились безоружными, еще несколькими минутами раньше трудно себе такое было даже представить. Я кинулся в сторону раскопа, но тут же замер.

Выбеленное нежно голубое небо враз почернело. Я не видел капсулы, ее скрывал край скалы, но разве можно представить, что это не от нее произошло. Темнота сгустилась, сошлась в точку, в которую с каким-то странным хлопком ударил луч ослепляющего света. И вокруг луча тотчас образовалась дыра, прореха в небе, куда он и уходил, теряясь в неведомом пространстве, лежащем за пределами человеческого понимания. Прорезая барашки редких облаков, голубую синь и уходя в черноту – на сотни световых лет или еще дальше. Подавая зов тем, кто оставил склеп, в месте, где живут самые неразумные, самые упертые, обиженные на себя и весь свет существа. Жажущие всего и сразу, желающие все постигнуть, но ничего не желающие понимать.

На меня наткнулся солдат, отскочил, бросился дальше, вниз по дороге.

– Скакун... вы? – Елена бежала следом за торопыгой-сержантом. Запыхавшись, она схватилась за меня, едва переводя дыхание. – Артек... где он?

Догадалась по одному только взгляду, по потемневшему лицу.

– Мне жаль, простите.

– Нам надо уходить, немедленно.

– Подождите, Скакун, вы видели, видели?

– Именно поэтому, уходить. Как можно скорее.

Луч внезапно померк, но тьма не исчезала. Ее пульсирующий круг, пытался сжаться, но что-то не давало, препятствовало этому. Возможно, дракон, он, достигнув неведомых высот, сейчас отчаянно сигнализировал хозяевам, зовя их на помощь, умоляя примчаться, как можно быстрее. Ведь земляне, они такие, они быстро приходят в себя, они не умеют считаться с потерями и они, наверное, никогда не остановятся.

Черное пятно, в котором ни звезд, ни галактик, одна пустота непроглядной вселенской ночи, внезапно завибрировало. Будто по открытому тоннелю уже спешили, торопились прийти на помощь павшим, погибшим где-то и когда-то вблизи планеты, ах, зачем же вы выбросили капсулу именно сюда. Да, тут удивительно красиво, тут рай земной, тут бы им покоиться вечно, в глубоких тихих пещерах, но... как нет покоя острову, могшему стать местом отдохновения многих, а вышедшем братской могилой, так не стало покоя и тысячелетним останкам, стоило только добраться до них исследовательской экспедиции.

– Вы думаете, это сигнал... бедствия? – Елена едва шагала за мной, ноги не слушались, да еще она постоянно оборачивалась.

– А что же по-вашему? Я подумал, что это склеп, ну, что еще можно охранять тысячи лет. Склеп на пятерых погибших.

Она остановилась.

– Почему вы... ах да. Я поняла. Очень возможно. Даже, скорее всего, вы правы. Я как-то ни разу не думала. Мне всегда казалось, что семя это источник знания, это жизнь, это...

– А это смерть, последний страж могилы, – мы выбрались на уступ, именуемый Площадкой дракона. Отсюда открывался удивительный вид, что на вулкан, что на залив, находящийся прямо под ним. – Вы видели, что он сделал?

– Где? На раскопе? Он истребил всех солдат и поднялся. Потом грохот, хорошо меня вытащили из-под обломков и помогли убраться поскорее.

– Смотрите, – вышло немного пафосно, но вид, в самом деле, ужасал.

Залив, заполненный кораблями ВМФ Китая, представлял собой жуткое зрелище. Находящийся на рейде могучий крейсер дымился, накренившись на левый борт, на нем находилась вертолетная площадка, превращенная взрывами падавших вертолетов в яму. Крейсер медленно уходил под воду, с него, едва различимые, прыгали солдаты, но никто не спешил подбирать их, приходить на помощь. Мощный импульс разбуженного дракона вывел из строя все – технику, оборудование, приборы, остановил корабли и самолеты, машины и коммуникации. Все, питаемое электричеством, получило чудовищный скачок напряжения, после

которого и последовала представшая нашим взорам агония. Беспомощные корабли, падающие с неведомых высей вертолеты и истребители, и множество солдат, лишившихся связи, товарищей, командования. Всего. Беспомощно бежавшие к заливу, к порту, в котором один за другим вспыхивали все новые и новые пожары. И нечем оказалось тушить их, некому придти на помощь. Не на чем уплыть прочь. Да и некуда плыть – ведь до ближайшего острова около полутора сотен километров. А все, что находилось на рейде или стояло в порту, превратилось в хлам, едва держащийся на воде.

– Куда мы сейчас? Скакун, подождите, объясните сначала, куда вы меня тащите?

Я остановился. А в самом деле, куда? Вокруг лишь залив, тонущие корабли и обезумевшие от страха люди. Боящиеся взглянуть в небо, где дрожащий круг тьмы вот-вот выплюнет нечто, столь могущественное, перед которым все прежние страхи, показываемые капсулой, покажутся играми детского воображения.

– Я не знаю. К морю. Очень надеюсь, что они не станут наводить тут свой порядок. Очень хочется, чтоб они забрали капсулу и поместили ее куда-нибудь подальше, на Луну, Марс, Венеру. В места, до которых человек не доберется. Хотя нет, доберется, все равно доберется. Но не скоро.

– Вы думаете? А мне кажется, кажется... Скакун!

Я вздрогнул всем телом и обернулся.

Круг тьмы внезапно расширился, превратившись в круг света. И рухнул. Ровно теперь его некому было удерживать в небе.

Испытуемый

Прохора я нашел в дальнем конце парка, рядом с выходом к пруду с выдрами. Местная достопримечательность, возле него даже гостиничку выстроили. Мой приятель, ссутулившись, сидел на скамейке, глядя себе под ноги, вид у него был такой, точно напился или, чего хуже, шарахнул дозу. Весь встрепанный, взъерошенные волосы, вкривь сидящий пиджак, побитые пылью брюки и рубашка навывпуск. Вид совсем не такой, к какому я привык за долгие годы знакомства. Прохор всегда следил за собой.

Я подошел, присел рядом, затем, Прохор так и не поднял взгляд, положил руку на плечо. Тут только он обернулся, медленно, ровно замороженный собственными ботинками, которые разглядывал уже минут десять. Я взглянул в его глаза, нет, зрачки нормальные, да и запаха перегара не чувствуется. В ответ мой старый товарищ так же не отводил взгляда, и по-прежнему молчал.

– Ну, здравствуй, Прохор, – он наконец-то кивнул, хоть какая-то реакция. – Где же ты два дня пропадал-то?

– Два дня? – произнес он несколько недоуменно. Не своим голосом, точно пробуя его на вкус.

– Да, а ты не помнишь, какой сейчас день? – он молчал. – Стася всех уже на ноги подняла, вот и до меня добралась. А я до тебя, как видишь.

– Стася, да... – он снова замолчал.

– Ты как, в порядке?

– Не знаю, – после минутной паузы произнес Кондратьев, когда я уже собирался встряхнуть его легонько. – Вроде, да.

– Так объясни, что случилось? Жена с ума сходит, я тоже весь испереживался, – преувеличивал, но да, заразился беспокойством. Стася она такая, до всех докопается, всем работу задаст, если что не так. Особенно, когда ее любимый «увалень» пропал среди бела дня. Прежде с ним подобного никогда не случалось, неудивительно, что все родичи, знакомые, приятели знакомых и просто соседи, а затем полиция, работники больниц, моргов и даже спецслужб были поставлены на уши. Хорошо, нашелся доброжелатель, позвонивший и сообщивший, что вроде бы нашел мужа в парке Победы, только поговорить не смог – молчит. Я быстро собрался, приехал. Вручил показавшему мне на скамейку молодому человеку купюру и пошел выяснять у Прохора, что же с ним приключилось.

Хорошо, не избили, не ограбили, не бросили в каменных ботинках в озеро. Конечно, о последнем я давно не слышал, но мало ли... Стася умело нагнетала страхи, доводя и себя, и других. Никого не слушая, даже свою тетку, профессионального психиатра.

– Жена, да... прости, я совсем как-то раскис. Не пойму...

– Прохор, ты можешь говорить нормально? Где ты был? – он снова глянул на меня, но ответил без напоминаний.

– Сам не пойму. Будто на помойку выкинули. А я... – он оглядел себя, словно видел впервые. – В голове пустота. Ни черта не помню... – Кондратьев замолчал и оглядел меня. – Если б ты не подошел, я бы вот так и сидел. Я тут с... да давно сижу. Никак не уйду.

– Это почему это?

– Боюсь, – тихо ответил он. Вот пока тебя не встретил, боялся с места сдвинуться. Как проклятье какое. И потом... я не могу вспомнить, куда мне идти. Вот даже сейчас.

– Сними пиджак и расстегни рубашку, – он улыбнулся. – Ты чего?

– Знакомое, – Прохор закачал головой. Я подумал, его точно кололи. – Ты ведь так и раньше поступал, ну, на работе...

– При чем тут... – я осмотрел руки, шею, живот, бока, велел закатать брюки. Попутно обыскал приятеля. Никаких следов укула, ни порезов, никаких воздействий. Уже хорошо.

Я поднялся и потянул Прохора за собой. Тот повиновался беспрекословно, словно игрушка. Ох, не нравилось мне его поведение при встрече, ох, не нравилось. Не хотел спрашивать напрямую, но пришлось. Развернулся к нему, глянул в упор.

– Прохор, ты помнишь, как меня зовут? Только без раздумий. Быстро.

– Помню, – чуть помедлив, ответил он. – Вот это я вспомнил сразу, как ты пришел.

– Прохор!

– Марат, – без запинки произнес мой приятель. И прибавил: – Зарипов.

Я молча взял его под руку и потащил к центральному выходу из парка, мимо постаментов с военной техникой времен Великой отечественной. Танки, самоходки, пушки, гаубицы, «катюши» и зенитки, сменяя друг друга, представляли нашему взору. На самом входе находилась рубка подлодки серии Щ, которую собрали в сорок втором в нашем городе, на эвакуированном в начале войны заводе. Казалось, лодка и сейчас плывет сквозь цемент, скрывающий ее корпус, движется, рассекая незримые волны, куда-то вдаль, движется, все никак, все пятнадцать лет со дня установки, не в силах сойти с места.

Я вытащил мобильный и набрал номер Стаси.

– Отбой всем постам, – произнес в трубку, едва слышав ее осипший от волнения голос. – Я его нашел.

С Прохором, за время его непонятного отсутствия, ничего не случилось. Стася, напугавшись видом супруга, потащила в частную клинику на обследование. С деньгами не считалась, я все пытался объяснить, что ни к чему это, не надо переплачивать профессорам, они ж стетоскоп последний раз на лекции видели, но она не слушала. Брала самых матерых, считая их тонкими знатоками, только и способными докопаться до самой сути возможных проблем в Кондратьевском организме. К счастью, эти проблемы не сыскивались, а потому, к исходу второй недели пребывания Прохора в лечебнице, Стася стала успокаиваться. И уже с легким сердцем повела его к гипнологу. К этому времени и супруг постепенно начал приходить в себя, все же, постоянное присутствие жены, практически забросившую работу ведущей колонки в глянце-вом журнале, возымело действие. Прохор уже выглядел не как тень отца Гамлета, обрел и прежний вид и вес и обычную шутливость. Его только одно беспокоило – полное выпадение этих двух суток из памяти. Как он вышел со станции метро «Козья слобода», собираясь зайти в банк и затем в «Пятерочку» закупиться на выходные, пошел привычным маршрутом через сквер, и вплоть до вечера воскресенья, когда он вдруг очутился сидящим на лавочке, в нескольких километрах к северу – в парке Победы. Ничего не помнящим, ничего не понимающим. Пятьдесят часов вывалились из памяти, будто и не было их вовсе. Разум оставался едва ли ни девственно чист, пока я не подошел, по крайней мере, так утверждал сам Прохор. Нет, он понимал, где находится, в каком месте и времени, но все относящееся к своему «я», даже имени в памяти не смог обнаружить. А потому душная волна страха окатывала его, уходили и снова возвращалась, стоило Кондратьеву пытаться логично рассуждать снова.

Сколько часов он вот так просидел на лавочке, трудно сказать. Время для него будто остановилось. Но видно, не один час.

На следующий день я зашел в отделение на Бондаренко, что расположено в сотне метрах от злополучной скамейки Сержант в окошке, запунцовев ради приличия, сообщил мне, что да, от Станиславы Юрьевны заявление принимали по поводу пропавшего супруга, но ничего не сделали, ибо не прошло положенных трех суток с момента исчезновения, а мужья бывают разные, вы, товарищ капитан, это понимаете. По работе, конечно, прибавил сержант, вот тут уже покраснев всерьез.

Больше я туда не ходил, компетентные органы, до поры, до времени, старались не проявлять активности, как бы на них ни давили родичи пропавшего. Я хотел обратиться к своим, но вовремя спохватился. Ситуация с исчезновением выходила больно странная, а все странное в нашей конторе, имело свойство кончатся скверно. Потому насел на гипнолога.

Стася, успокоившись, отправила мужа на сеансы к очередному доктору наук, из которых первые три закончились безрезультатно. Подсознательно мне нравилось это куда больше, чем хоть какой-то успех. Но гипнолог не сдавался, уж не деньги, а собственное имя вынуждали действовать, куда решительней, так что четвертый день оказался прорывным. Прохор вспомнил то, что... да, лучше б он этого никогда не делал.

Гипнолог, вышедший вслед за Кондратьевым и наткнувшийся на меня в приемной, пробормотал что-то о фантомах, иллюзиях и попытках уйти от содеянного, а затем, ушел в кабинет. Попытался закрыться, но я вломился следом.

– Иннокентий Борисович, что вы узнали? Я не хочу сейчас тревожить своего товарища, но мне важно знать.

– Зачем? – одними губами спросил гипнолог. – Мы не одолели и четверти пути, пациент строит забор из фантомов, причем, столь пошлых и противоречивых, что я... нет, я даже не буду говорить с вами о них.

От прямого и даже кривого ответов он уходил старательно, подобно опытному адвокату на процессе. Я только успел заметить лист бумаги, где рукой Кондратьева, изображались какие-то странные рисунки, изображавшие футуристический интерьер. Подпись под ним разглядеть я не успел, гипнолог все убрал в карточку пациента. И выдворил меня.

Обратно Прохора я вез сам. Не знаю, почему Стася, за глаза называла его увальнем, да и в глаза иной раз, тоже. Подобного за моим приятелем никак не водилось, да, несмелый, скорее, осторожный с рождения, довольно замкнутый, не всегда быстро принимающий решения, но остроумный, приятный человек, с которым приятно общаться человеку, продравшимся через его преграду изначального недоверия к чужакам. Своим он отдавал себя охотно.

Может, Стася так и не смогла войти в его круг? Нет, вряд ли, даже мне они казались симпатичной, самодостаточной парой. Куда третьему уж точно лучше не лезть, даже с самыми благими намерениями. Разве что, в экстренных случаях, вот таких, как подобный.

Полдороги Прохор молчал, затем вдруг выпалил:

– Бред какой-то видел. Не поверишь. Три дня без толку смотрел на лист бумаги, а сегодня будто прорвало. Сон видел, не пойми что, а не сон. Будто иду по скверу у метро, где, собственно и потерял память, и вдруг меня останавливает некто, какая-то тень, просит подойти. Так убедительно просит, что я... я подхожу, – он сглотнул ком, подступивший к горлу, – подхожу, значит, и как проваливаюсь в нее.

– В тень? – уточнил я, сворачивая на Чистопольскую. Через два светофора, будет их дом: заурядная десятиэтажка, среди квартала себе подобных.

– Именно. А после... черт, будто, напился. Свет со всех сторон, потом какие-то помещения, не пойми что. Скругленные окна, странная обстановка, мобили под потолком разные, мебели нет, вместо нее... приборы в стенах, что ли. Как будто я на звездолет попал, такое ощущение.

Сердце екнуло. Я сбросил скорость, оглянулся. Прохор смотрел на приближающийся светфор.

– Нет, правда, – продолжил он. – Помню еще, как меня несло мимо всего этого в дверь, а она возьми и распахнись во все стороны, как... как объектив старой фотокамеры. Помнишь, у тебя такой был, «Зенит», кажется. Пленочный еще.

Он болтал, а я все замедлял и замедлял скорость. Пока не остановился в нескольких метрах от перекрестка. Включил габариты.

– Слушай, – наконец, произнес, едва подбирая слова. – Ты об этом никому не говори.

– Да упаси боже. Бред ведь. Чего только спецы по мозгам у простого человека не увидят.
– Даже жене.

– Да Стася первой меня на смех подымет. Опять увальнем называть станет. Зачем мне это?

Я кивнул, он прав.

– И больше ни ногой к гипнологу. Если что вспомнишь, лучше мне скажи.

Прохор улыбнулся.

– Ты-то меня выслушаешь, не посмеешься. Я тебе доверяю. Вот только Стася. Она заплатила за десять сеансов, а мы и половины...

– Не ходи! – рявкнул я. Прохор смотрел на меня с удивлением. – Я серьезно. Побереги мозги лучше. Сам видишь, какая дрянь лезет. – он кивнул, соглашаясь. – Вот именно. Говори жене. Что пошел, а сам... да хоть ко мне приходи. Посидим пообщаемся, пива попьем.

– Добро, – снова улыбнувшись, ответил Прохор. – Ты давно меня пивом от жены не смаживал.

– Решил возобновить традицию, – я снова завел машину, влился в поток и развернувшись после светофора, подвез к дому. – Договорились?

Он подтвердил, помахал рукой на прощание. Я развернул машину и поехал к себе домой. По дороге позвонили с работы, напомнили о командировке, о важности целой кучи неначатых дел. Словом, загрузили и меня и мой мобильный, чтоб владелец не скучал и не переживал за других, а только и исключительно за контору. Вечером я Прохору звонить не стал, некогда. Как вернусь, все разузнаю.

Стася опередила. Звякнула на следующий вечер, когда я уже находился в дороге.

– Марат, извини, что беспокою. Ты ни о чем не договаривался с Прошей? А то странно, я позвонила на работу, мне сказали, он туда так и не заявлялся. Что там гипнолог ему сказал? Он тоже на звонки по мобильному не отвечает и офис пуст. Я, может, я рано переживаю, но я... честно, с моим увальнем подобного никогда...

Я похолодел. Кое-как успокоив Стасю, сообщив, что так все и задумано – а ведь это и было сущей правдой – сбросил разговор и тут же набрал другой номер.

– Замир! – заорал я в трубку. – Ты что творишь, зараза? Верни Кондратьева немедленно. Я сам проверял его, слышишь, ничего нового, ты меня понял? Возвращай!

Конечно, Замир меня не послушал. Должность не та. Проблема в том, что Игорь, старший восьмого отдела, к трубке не подходил, верно, опять на совещании, или еще где. Когда я под его руководством работал, сборы у начальства были излюбленным занятием. Плюнув на руководство, снова перезвонил Ильдусову.

– Ты его еще везешь в отдел? – Замир помолчал с пару секунд, потом ответил, как мог официальной, мол, объект уже на Профсоюзной. Кажется, он в этот момент был не один, мои крики его коллегам не больно понравились.

– На Профсоюзной? Вы что же, – ворох подозрений всколыхнулся в голове. – Вы его в Москву потащили, что ли? Я же говорю...

– Зачем в Москву? – несколько удивленно спросил Ильдусов. – Как будто у нас Профсоюзной улицы нет. Ты что... а, да, ты же ушел. Полгода назад восьмой отдел переехал в здание бывшего НИИ «Океан». И потом, – уже после паузы продолжил Замир. – Какое ты право имел его проверять? Ты же ушел, и сам понимаешь...

– Кто-то мне говорил, что у нас как секта, сам по себе никто не уходит.

– Это не тот случай, Марат. Я серьезно. Если окажется, что ты копался в его мозгах...

– Не копался. За меня это делал гипнолог. Он, что ли, настучал?

– Не настучал, а уведомил. Это его прямая обязанность – обо всех подобных случаях докладывать в службу безопасности. Всех ведь инструктируют: психиатров, гипнологов, работ-

ников больниц и дурак, даже в тюрьмах и то... Да что я тебе говорю, будто, первый раз. Все подписывают пункт о неразглашении. Иначе, какая, к чертям, практика.

Он мне выговаривал, как новичку. А я, бледнея лицом, уперто давил на газ, стараясь выжать из старой колмаги, гордо именуемой «шевроле» хоть какое-то подобие скорости. Проскакивал на желтый, красный, если никого не виделось в окрестностях. Гаишники дважды пытались за мной погоняться, вот только номера останавливали их рвение сами собой. Если нарушает правила и выжимает сто двадцать, значит, так и положено. Серию ЕКХ «гайцы» так и переводили: «еду, как хочу». Сейчас был именно такой случай.

– А всё говорят, мол, безопасность только террористами и разными оппозиционерами занимается, – продолжал вещать Замир. – Вот нам только и дело, что несогласных по тюрьмам, а недовольных по почкам.

– Как будто ФСБ это сплошной восьмой отдел, – не выдержал я. На шоссе выскочила белая легковушка, я едва успел прижаться к обочине.

– Что у тебя там? – визг тормозов он услышал.

– Спешу к вам, на Профсоюзную.

– Можешь не торопиться так. Нет, я серьезно, Марат, не хватало еще тебе в аварию влететь.

– Мне надо поговорить с Игорем, где он сейчас?

– Не знаю. – небольшая пауза, как будто Ильдусов пожал плечами. – Наверное, совещается. А вообще, это еще один прокол в твоей работе. Игорь так и скажет. Кондратьев обязан будет пройти весь курс исследований, чтоб ты ни говорил. Да ты сам тоже, хорош гусь. Ничего не сообщил о похищении, хотя обязан был.

– Я не работаю в восьмом.

– Это секта, она от ответственности не освобождает. Только в случае изгнания. А ты ушел сам, – вот, наконец, я услышал те слова, что не раз говорил Замир, мой коллега по работе и старший товарищ, пропахавший уже две дюжины лет на контору, именно, по пришельцам. Когда-то она называлась совсем иначе, потом стала именоваться проще – восьмой отдел. По первоначальному количеству человек, работавших в ней. Как раз на Профсоюзной в Москве.

– Да я ушел, но что не настучал, не раскаиваюсь. Он мой друг...

– Прекрати нести чушь. Какой друг? Я помню, как ты увивался за его нынешней супругой. Сам говорил, что хотел бы оказаться на месте Прохора.

– Пьян был, наверное. И потом, откуда ты помнишь?

– А это, извини, профессиональное. До сих пор не пойму, почему ты с ней не сошелся... как ее. Да, неважно. Мог бы отбить.

– Замир, я порядочный человек.

– Это означает, что мямля и... – связь оборвалась. Я въехал в тоннель. Хотел перезвонить Замиру по выезду, но потом плюнул. Разберусь на месте.

Часа через три выехал на Профсоюзную. Впрочем, было уже поздно. Прохора изолировали. С Игорем я поговорил, получил выговор, правда, устный, а то при его рвении, он вполне мог и мое нынешнее начальство обеспокоить. Больше ничего не добился, свидания с Кондратьевым, тем паче. Поехал объясняться со Стасей. Успокаивать, уверять, утешать. И все валить на гипнолога. На душе было мерзко.

Прохора выпустили ровно через две недели, как и всегда в таких случаях. Все контактеры с пришельцами, мнимые или действительные, проходили через одну и ту же процедуру. Вот уже сорок лет их исследовали самыми разными, с годами все более изощренными способами, изучали тело, но, более всего, голову. Не только у нас, все развитые страны мира занимались подобным. У них в каждой службе безопасности находился отдел, подобный восьмому и мозговеды, способные извлечь из подкорки самые надежно захороненные воспоминания. А изу-

чив, вычистить их снова. Так, возвращаясь обратно в мир людей, человек терял сразу два промежутка своей жизни – несколько дней брали пришельцы, несколько дней службисты. И если ему доводилось попадать к последним, он наверняка не помнил вообще ни о чем.

Прохора отчасти пощадили. Ему только стерли воспоминания о двух днях в гостях на «летающем блюде» или что там у наших гостей, а вот память о посещении клиники оставили. Так убедительнее. Ведь всю вину, как я и просил, возложили на дурака-гипнолога, вызвавшего у моего товарища сонм безумных видений, от которых приходилось спасаться не иначе, как руками матерых специалистов. Стася слезно поблагодарила, когда я сказал, изрядно кривя душой и лицом, что посещение клиники службы безопасности пойдет мужу на пользу. Вот только на встречу с Прохором не поехала, сослалась на кучу нерешенных дел еще с прошлого раза. Хорошо, что я отправлюсь к Проше, она к моменту нашего приезда освободится, будет встречать.

Перед тем, как встретиться с Кондратьевым, я снова повидал Игоря. Спросил просто, что именно у него сумели найти. Тот покачал головой.

– Ну а смысл? Держали две недели, изучали, исследовали. А проку ни на грош. Как и раньше, как и пять, десять лет назад. Неужели не понятно, что пришельцы прекрасно знают, что их подопытных могут выловить и устроить им вот это... исследование?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.